

АСТРАМЕЧАЎСКІ РУКАПІС

БРЭСЦКІ РАЁННЫ КРАЯЗНАЎЧЫ АЛЬМАНАХ

НАВУКОВА-МЕТАДЫЧНАЕ ЛІТАРАТУРНАЕ
ВЫДАННЕ

БРЭСЦКІ РАЁННЫ ВЫКАНАЎЧЫ КАМІТЭТ

АДДЗЕЛ ІДЭАЛАГІЧНАЙ РАБОТЫ,
КУЛЬТУРЫ І ПА СПРАВАХ МОЛАДЗІ
РАЙВЫКАНКАМА

БРЭСЦКАЕ АДДЗЯЛЕННЕ САЮЗА
ПІСЬМЕННІКАЎ БЕЛАРУСІ (ГРАМАДСКІ
ФУНДАТАР)

БРЭСЦКАЯ РАЁННАЯ ЦЭНТРАЛІЗАВАНАЯ
КЛУБНАЯ СІСТЭМА

Рэдактар і ўкладальнік:

Аляксандр Валковіч

Рэдакцыйная калегія:

У.Р. Сянчук, П.І. Валынец, Л.П. Балашова,
А.В. Ляонаў, Э.Ю. Марозава, Ж.С. Гарустовіч,
А.М. Карлюкевіч, Т.А. Дземідовіч,
С.Б. Панасюк

Навуковы кансультант:

Швед Іна Анатольеўна,
доктар філалагічных навук,
кіраўнік лабараторыі «Фалькларыстыка
і краязнаўства» БрДУ імя А.С. Пушкіна

Аўтар праекта:

Аляксандр Валковіч

Камп'ютарная вёрстка:

І.П. Суворова
Карктар І.У. Хмель

Кантакты:

(+375 29) 20-161-02;
e-mail: kotlas@tut.by

Чытаць анлайн: <http://brest-railib.by>

Выходзіць штоквартальна
Мова: беларуская, руская

№ 1 [41]•2023

У НУМАРЫ

БРЕСТСКОМУ РАЙОНУ — 83

Наши славные праздники и даты.....2

АСТРАМЕЧАВА І АСТРАМЕЧАЎЦЫ

Ад прадзедаў спакон вякоў.....5

мне засталася спадчына.....6

ЧАРОЎНЫЯ СПЕВЫ І ПАДАННІ СПАДЧЫНЫ

«Давай, баба, коўбасу, я до Бога понясу».....11

Каляды на Берасцейшчыне (па матэрыялах
фальклорна-этнаграфічнага архіва БрДУ
і альманаха «Астрамечаўскі рукапіс»).....12

НАРОДНЫЯ СВЯТЫ І ЗВЫЧАІ

БЕРАСЦЕЙШЧЫНЫ

Іна ШВЕД «Грэх чыпаты ластовок, бо то.....23

Божья птах»: ластаўка ў традыцыйнай культуры
Берасцейшчыны24

Пра каляндарныя святы, вяселле і храмы
на Берасцейшчыне31

Фестываль «Фальклор без межаў» прайшоў
у Іванаўскім раёне33

Цуды і казкі будучь жыць!34

ЛІТАРАТУРНАЯ СЯДЗІБА

Александр ВОЛКОВИЧ. Золотой кот.....36

Сад яе души48

Алёна ПАПКО. Представляем нового автора.....50

КНІЖНАЯ ЗАЛА

Сакрэты малой радзімы. Энцыклапедычнае
выданне «Гарады і вёскі Беларусі».....54

Вяртанне да традыцый.....56

КАЛАЎРОТ КУЛЬТУРНАГА ЖЫЦЦЯ

На сцене і за кулісамі прадзвіжанага канцэрта в.....57

честь Дня образования Брестского района58

Колядки расширяют круг.....61

Светлыя зорачкі па-над вёскай.....62

СТАРОНКІ ГІСТОРЫІ

Слово о музее деревни Черни63

Вяртанне да традыцый.....70

БЕЛАРУСЬ ПАМЯТАЕ

Абеліскі параненай зямлі.....71

Не зарасце лясная сцяжына72

16+

Падпісана да друку 05.12.2022.
Фармат 70x100 1/16. Гарнітура PF Agora Serif Pro.
Тыраж 80 экз. Ум. друк. арк. 6,80.
Друк цыфравы. Надрукавана ТДА «Артлайнсіці»,
г. Брэст, вул. Карбышава, 74.
Арыгінал-макет падрыхтаваны
ТАА «Паліграфіка», зак. 335-2022.
Пасв. 1/22 ад 16.08.2013,
вул. Кірава, 122, пам. 85, 224013, г. Брэст
тэл. (+375 162) 35-55-67, www.poligrafika.by

1-я с. вокладкі: Алег Бараздзін,
«Святочнае гуляння»

1-я і 4-я с. вокладкі: святочны рушнік

Наши славные праздники и даты

Брестский район отпраздновал 83-ю годовщину со дня своего образования

По доброй традиции этот праздник собрал множество гостей в районном Доме культуры агрогородка Черни. Здесь было многолюдно и весело, царил атмосфера радости и уюта. Гости встречали музыкальное сопровождение инструментального ансамбля «Каприччио», содержательные выставки народных умельцев района, а также вернисажи детских работ от центра внешкольной работы и районного Дома ремесел, документально-исторические выставки центральной районной библиотеки, повествующие об этапах создания и развития Брестского района. Сувениры, украшения, продукция местного райпо — все это придавало мероприятию некий домашний, праздничный комфорт.

Торжественно и празднично украшенную сцену актового зала дополнил фильм-презентация о районе, задорные

поздравления и «подводки» ведущих, а затем — феерия выступлений сразу нескольких народных ансамблей и солистов, среди которых громкими аплодисментами были встречены артисты ансамблей песни «Сябрына», «Благовест», «Медуница», «Спадчына», «Черничанка», «Молодежный квартал», «Феличита», «Настроение».

Присутствующих в зале тепло поздравил председатель Брестского райисполкома Владимир Сенчук: «В облике района происходит много положительных перемен, — подчеркнул он. — Высокая продуктивность сельхозпроизводства, динамика в развитии всех сфер жизни, рост и постоянное совершенствование. С государственной поддержкой строится жилье для многодетных семей, ремонтируются школы, детские сады, благоустраиваются территории населенных пунктов. Мы не стоим на месте,

многое сегодня делается для сохранения традиций и истории Прибужья, социально-экономического и культурного развития района. Каждое поколение вкладывает частичку своей судьбы в летопись района.

Мы благодарны ветеранам войны и труда, преклоняемся перед их мужеством и отвагой, трудовыми подвигами. Спасибо вам за то, что вы сделали для нас и продолжаете делать по сей день».

Сделав краткий экскурс в историю Прибужья, выступающий более подробно остановился на сегодняшнем дне, рассказал о достижениях тружеников района в сельхозпроизводстве, социально-культурной сфере, в развитии гражданского общества, укреплении белорусской государственности. С трибуны прозвучали конкретные цифры наших достижений и побед, определены достигнутые и перспективные рубежи развития, названы имена лучших предприятий и тружеников.

Слова особой благодарности жителям Брестского района, ветеранам труда адресовал председатель районного совета депутатов Владимир Хватик, который подчеркнул, что благодаря самоотверженному труду и таланту живущих в Прибужье людей, наш район и сегодня хранит и приумножает свои лучшие исторические и культурные традиции, уверенно смотрит в будущее.

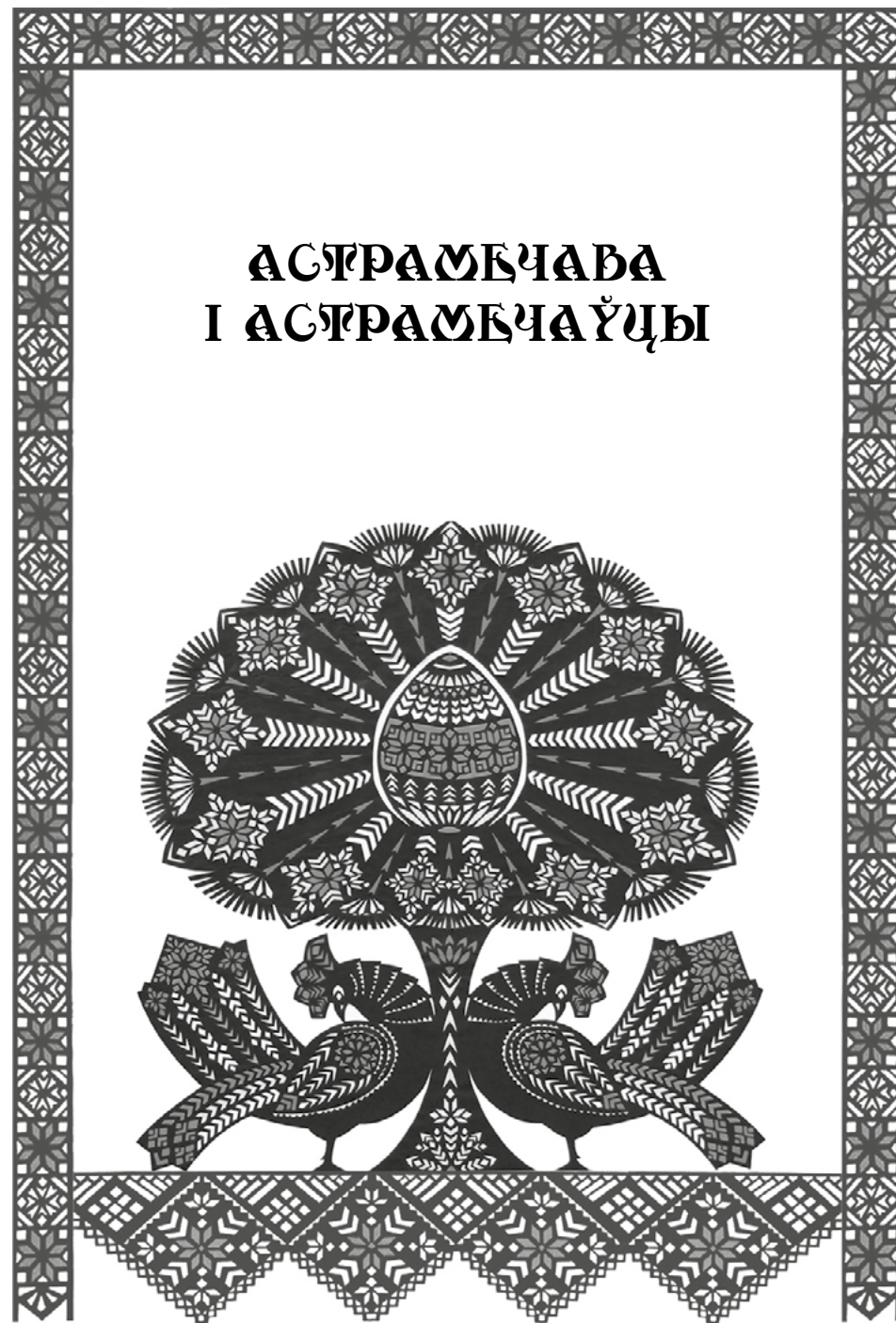
Большая группа передовиков различных сфер деятельности была отмечена Почетными грамотами Брестского районного исполнительного комитета и Брестского районного Совета депутатов.

Награды были вручены под горячие аплодисменты собравшихся.

АСТРАМБЧАВА І АСТРАМБЧАЎЦЫ

Ад прадзедаў спакон вякоў мне засталася спадчына...

Эти слова Янки Купалы весьма актуальны для Лыщицкого сельсовета. Рассказ о нем продолжает цикл статей, посвященных Брестскому району

С былых времен...

Богатое наследие сельсовета действительно впечатляет. На его территории размещается 126 курганных могильников. Это могильники XI-XIII веков в урочище Гурки, периодов раннего средневековья в урочище Ворохово, раннего феодализма в деревне Малые Щитники и даже бескурганный могильник раннего железного века в урочище Владычицы VII-IV веков до нашей эры. Согласитесь, мало где еще можно встретить такой уникальный фрагмент истории.

Но и это еще не всё. Возьмем, к примеру, деревню Лыщицы: здесь родился философ, общественный деятель Казимир Лыщинский. В Лыщицкой средней школе находится краеведческий уголок,

посвященный известному земляку. В деревне Малые Щитники установлен мемориальный камень в память о нем. Да и сама деревня известна не одно столетие: славится Покровская церковь 1742 года.

Ярким местом на карте сельсовета давно стал агрогородок Остремечево, известный с VI столетия. Славен он Свято-Михайловской церковью, построенной в 1846 году на средства помещицы Анны Сузин и добровольные пожертвования прихожан. Старожилы до сих пор указывают на крест во дворе, справа от центрального входа, — место погребения «доброй пани». Есть подтвержденные сведения, что в августе 1886 года церковь посетил российский император Александр III с супругой Марией Фёдо-

ровой и сыном Николаем в сопровождении свиты, прибывший на станцию Лыщицы для наблюдения за маневрами русской армии.

Агрогородок славит нашу страну и «Астремечаўскім сшыткам» — это белорусско-польский рукописный памятник художественной культуры XVII века, сборник бытовой музыки анонимных авторов, насчитывает более 200 канцон и танцев эпохи Ренессанса и раннего барокко восточно-европейского и западного происхождения. «К большому сожалению, исторически так сложилось, что он находится на территории Польши, — рассказывает председатель сельсовета Инна Дячек. — Но у нас есть огромное желание вернуть его на родину. Кстати, продолжил эту тему писатель и журналист Александр Волкович. Он создал «Астремечаўскі рукапіс» — литературно-краеведческий альманах, который рассказывает о

культурной жизни не только Остремечево, но и всего Прибужья.

Гордимся, что именно у нас, в Остремечево, осенью 1905 года была открыта одна из первых в Беларуси народных библиотек имени Павленкова. Многие с той поры утеряно, но от радно, что до наших дней сохранилась книга «Лечебник домашних животных» 1903 года. На ней, кстати, видна овальная печать с надписью: «Народная библиотека имени Павленкова в селе Остремечево». Хранится издание в краеведческом музее. По сути, продолжение той библиотеки мы видим в сегодняшней, которая размещается в Доме культуры».

...и до настоящих...

Сохранение исторической памяти — один из важных моментов в жизни Лыщицкого сельсовета. Большая часть ее бережно хранится в районном Доме ремесел, который находится тоже в Остремечево. В его стенах действует экспозиция, расположенная в трех комнатах. Первые экспонаты появились по инициативе Инны Дячек: собирали по изъятым бесхозным домам предметы быта, вышиванки, ручники... — всё то, что показывало и рассказывало о труде сельских женщин. Но сохранение исторической памяти — это не только экс-

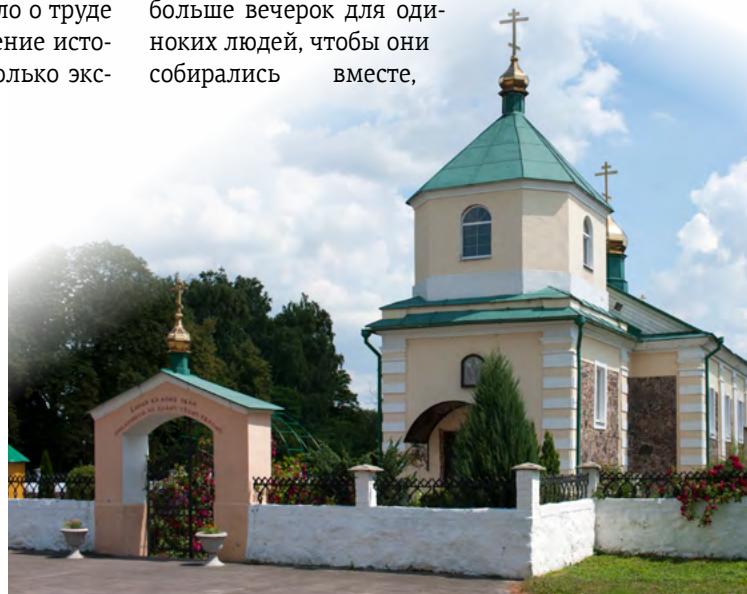
понаты. Чтобы прошлое жило, нужно его доносить до молодого поколения. Поэтому в Доме ремесел проводятся обряды крестин, свадеб... «Показываем молодежи традиции, культуру, историю малой родины», — говорит Инна Дячек. — Но и здесь не всё просто: мало только показать, к примеру, ту же свадьбу, нужно донести ее значимость. Ведь организация свадьбы — это задел на будущую жизнь, любая мелочь что-то значит для будущей жизни молодых. Мне хочется, чтобы у нас проводилось больше вечеров для одиноких людей, чтобы они собирались вместе,

занимались рукоделием, пели песни... Так сможем сохранить еще одну традицию для молодого поколения».

Лыщицкий сельсовет уделяет большое внимание женщинам своего уголка. При Доме ремесел действует Центр поддержки инициатив женщин «Спадарыня Прыбужжа». Здесь проводятся тренинги по экономическому, финансовому обучению, ремеслу. Создан информационный каталог достижений и перспектив самозанятости «Женщины района». В издании рассказывается об известных женщинах нашей

страны и прекрасных жительницах Прибужья, внесших большой вклад в жизнь сельсовета и района. По словам Инны Дячек, планируется его переиздание, поскольку со времени выхода первого каталога прошло уже несколько лет, а за это время выросло число женщин, ярко заявивших о себе в Прибужье.

Говоря о сохранении памяти, нельзя не сказать и о местах захоронения жертв и участников Великой Отечественной войны. В сердцах жителей сельсовета живут и будут жить трагические события военных лет.

...да и о будущих

Удивителен этот уголок Прибужья тем, что он в прямом смысле слова стремится в будущее. В 2017 году Остремечево признано первой «деревней будущего» в нашем регионе. Для реализации проекта разработали генеральный план Остремечево, который предусматривает комплексную застройку свободных от пахоты земель, развитие и строительство социально-культурно-бытовой зоны, инженерно-транспортной инфраструктуры, благоустройство территорий. Но перед тем как его создать и утвердить, среди жителей всех возрастов, даже детей (!), провели опрос: что бы они хотели видеть в деревне будущего? В числе пожеланий — спортивный комплекс, усовершенствованные дороги и инфраструктура. «Деревня будущего» должна вывести на

другой уровень жизнь людей, — отмечает председатель сельсовета. — Нужно создать для человека такие условия, чтобы на работе он мог максимально выложиться, а дома — хорошо отдохнуть. Приблизить условия к городским, но при этом сохранить специфику сельской местности».

«Деревня будущего» начала свою деятельность. За это время в Остремечево построили станцию обезжелезивания воды. Есть, кстати, станция уже и в Лыщицах. Привели в порядок улицы Дружбы, Юбилейную, сделали пешеходную дорожку во время ремонта улицы Кириченко.

Остремечево привлекает к себе новых жителей. На сегодняшний день это самый большой населенный пункт в сельсовете, здесь проживает более двух тысяч человек. Это почти половина населения сельсовета (всего за-

регистрировано 4400 человек). Среди жителей агрогородка много приезжих из разных областей нашей страны. По словам Инны Дячек, был период, когда сюда переезжали на постоянное место жительства семьи из России и Казахстана. Учитывая, что ОАО «Остремечево» — твердо стоящее на ногах предприятие, его руководство заинтересовано в том, чтобы на работу устраивались лучшие специалисты. Им всем предоставляется жилье. «В прошлом году разбили в Остремечево новый квартал под жилье на 102 земельных участка, — продолжает Инна Дячек. — Достраивается и новый квартал жилья в центре сельсовета — Новые Лыщицы. На учете нуждающихся в улучшении жилищных условий в сельсовете состоит более 200 человек, и для сельской местности это немало. Отрадно, что люди предпочитают наш уголок городу.

Меня часто спрашивают: почему не перенесем центр сельсовета в Остремечево? Дело в том, что Новые Лыщицы находятся в центре сельсовета, поэтому доступны со всех сторон жителям 17 населенных пунктов. Сюда, в отличие от Остремечево, можно добраться без пересадок. Постоянно курсируют автобусы, маршрутные такси, доехать можно и по железной дороге».

Впрочем, не во многом уступают Новые Лыщицы Остремечево. Здесь расположены четыре магазина, работают средняя школа, ясли-сад, Лыщицкая участковая больница, сельский Дом культуры, библиотека, почта... Деревня газифицирована. Помимо нее и Остремечево, газ проведен в деревнях Кошилово, Лыщицы, Кустын, Яцковичи. Идут работы по газификации деревень Люта и Малые Зводы.

Под занавес

Почти наравне с бытовыми удобствами важны для человека уют и красота. Большое внимание уделяется в этом уголке чистоте, порядку и озеленению. Один из примеров: недавно, ко Дню семьи, в Остремечево в сквере была высажена аллея семейных деревьев, обозначенная аркой. В планах — сделать этот сквер местом семейного отдыха, разместить здесь детскую площадку. Похожая зона для отдыха и развлечения детей есть уже около здания Дома культуры, где размещается административный центр сельсовета.

В теплую пору года украшают сельсовет красивые цветники. Ну а в зимний период в новогодне-рождественские праздники сельсовет в прямом смысле слова сверкает разноцветной иллюминацией, оленями, шарами... Таким, кстати, встретил меня он во время посещения. «Это не только для красоты, праздника, но больше, конечно же, для

поднятия настроения людям», — отметила председатель сельсовета. По сути, она же и зародила эту традицию. За 12 лет, которые Инна Дячек занимает эту должность, она сделала немало на благо сельсовета. Приходилось даже спасать браки от развода. Но что особенно трогает, к ней на прием приходят люди не только для решения каких-либо вопросов, но и чтобы просто выговориться. А всё потому, что любое дело она пропускает через себя, равнодушна к судьбам других людей. «В любое дело нужно вкладывать душу, без этого ничего не получится. И пусть мы не можем вершить великие дела, но можем делать маленькие с любовью», — резюмировала Инна Дячек во время нашей беседы.

Но главная сила этого уголка Прибужья в том, что здесь живут любящие свою родную землю люди.

Наталья Шляжко, БВ

Фото автора

<https://bvn.by/news/obshestvo/>

ЧАРОЎНЫЯ СПЕВЫ І ПАДАЊНІ СПАДЧЫНЫ

Іна ШВЕД

«Давай, баба, коўбасу, я до Бога понясу»

Каляды на Берасцейшчыне
(па матэрыялах фальклорна-этнаграфічнага архіва БрДУ
і альманаха «Астрамечаўскі рукапіс»)

Святы і абрады ў рэгулярнасці свайго паўтарэння, як адзначаў Ян Ассман Ян у манаграфіі «Культурная памяць: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности» (М., 2004), забяспечваюць перадачу і распаўсюджванне ведаў, які замацоўваюць ідэнтычнасць, і тым самым аднаўленне культурнай ідэнтычнасці. Рытуальнае паўтарэнне забяспечвае адзінства групы ў часе і прасторы. Дзякуючы святу як першаснай арганізацыйнай форме культурнай памяці час у непісьменных грамадствах падзяляецца на паўсядзёны і святочны. У святочным, або «цудоўным», часе вялікіх зборышчаў гарызонт пашыраецца да касмічнага, да часоў і тварэння, вытокаў, і вялікіх пераменаў, якія прывялі ў працесе да стварэння свету. Абрады і міфы апісваюць сэнс рэальнасці. Іх дбайнае выкананне, захаванне і перадача забяспечваюць не толькі ідэнтычнасць групы, але і функцыянаванне светабудовы. Выразным прыкладам адначаснага з'яўлення каляднага абраднасці і міфалогіі..

Каляды — надзвычай важная частка народнага календара, якая ў якасці межавага перыяду вызначала дабрабыт усяго наступнага года. На Берасцейшчыне яна адносна добра захавалася не толькі ў пасіўным, але і ў жывым бытванні. «Кóледы», «Кóледа» ў народным календары — перыяд зімовых святкаванняў з 7 па 19 студзеня ў праваслаўных і з 25 снежня па 6 студзеня — у католікаў. Калядны абрадавы комплекс складалі дахрысціянскія і хрысціянскія ўяўленні, абрады і звычаі. На Берасцейшчыне, як і паўсюдна на Беларусі, у ім вылучаюцца тры асноўныя складнікі: 1) пачатак Каляд — Ражаства Хрыстова і вечар напярэдадні яго («Пысна куцця»); 2) Новы год (14 студзеня) і вечар

напярэдадні яго («Шчодрэц»); 3) заканчэнне Каляд — Вадохрышча і вечар напярэдадні яго («Крашчэнская куцця»).

Да доўгачаканых Калядаў загадзя рыхтаваліся: прыбіралі хаты і панадворак, назапашвалі прадукты, майстравалі ці паднаўлялі калядную зорку, маскі і касцюмы. У незвычайна святочны час калядных вечароў не выконвалі пэўныя віды працы, каб не наклікаць на сябе і сямейнікаў розныя няшчасці. Рыхтуючыся да свята, захоўвалі строгі пост. Асабліва субяседнікі этнографу адзначаюць радасць з нагоды заканчэння посту (на Ражаства), калі ўжо здымаліся забароны на ўжыванне скаромнай ежы і вясельны гульні ды ігрышчы моладзі: «Вэльмэ чакалі то свята. До Колядок

нэльга было гуляты, жартоваты, бо був піст. У гэты день пелі розныя колядныя песні. Вечарам на Колядкі ходылы колядоўшчыкі. Адзягалыся «казою». Ідучы па вуліцы, таксама пелі песні. У гэтых песнях жадалы ўсім шчасця, здароўя, добрага ўраджаю» (Кустын Брэсцкага р-на, зап. ад Саплевіч Веры Паўлаўны, 1922 г.н., бел., пісьм., правасл., мясцовая). «Елку ставылы на Коляду, ввэчор. На Новы Год нэ ставылы. Ставылы коля окна, шо выходыть навосход. На стыл стэлылы сіно, накрывалы скатеркою, і на тое сіно вжэ ставылы ёлку» (Альха Брэсцкага р-на, зап. ад Шмыдкай Кацярыны Міхайлаўны, 1924 г.н., бел., прав., мясцовая). «На елку вешалі рознакаляровыя паперкі цераз салому, таксама пачэнне. Бакі хат абклеивалі паперай рознакаляровай». «У кутку звычайно стояў сноп» (Кустын Брэсцкага р-на, зап. ад Саплевіч В.П.). «Варылі куццю — кашу з ячменю з макам і цукрам. Варылі кісель з аўсянкі. Ставілі ў чырвоным кутку ўсё поснае. Ішлі ў царкву» (Чэрні Брэсцкага р-на, зап. ад Андрасюк С.М., 1930 г.н.).

Святочная вячэра напярэдадні Ражаства («кóледа», «пэршая», «голодна» куцця) была поснай. Яе асноўная страва — куцця — каша з круп з алеем або мёдам, салодкай падлівай з цёртага маку. Некаторыя гаспадыні адпаведна колькасці апосталаў імкнуліся нарыхтаваць дванаццаць посных страў. Кожную страву павінны былі пакаштаваць усе сямейнікі. Святочны стол усцілаўся сенам і абрусам (часта белым). Маты-віроўка выкарыстання сена можа быць наступнай: «Сіно стэлылы оттого, шо як Божа Маты вродыла Ісуса, то положила ёго в яслі на сіно. І на тэму столі таксамэ і йлы» (Альха Брэсцкага р-на, зап. ад Шмыдкай К.М.). Сена, выцягнутае з-пад абруса, выкарыстоўвалася ў гаспадарчых варожбах. Бабуля аўтара

артыкула — Вілейка Софья Сямёнаўна 1927 г.н. — па даўжыні сцяблінкі і колькасці семя на ёй меркавала пра ўраджаі зернавых і лёну (Брэст). Будучы ўраджаі прадказвалі і па-іншаму: калі каша рабілася разварыстай, чакаўся багаты ўраджаі ячменю (Ляплёўка Брэсцкага р-на, зап. ад Лялько Лідзіі Іванайны, 1965 г.н., бел., выш. адук., правасл., мясцовая); «На Колядкі ў кутку звычайно стояў сноп. Хлопцы выцягвалі з яго колос. Колы ён був хорошы, то то значыць, што будэ добры ўраджаі» (Кустын Брэсцкага р-на, зап. ад Саплевіч В.П.).

Вячэра заканчвалася малітвай. Саломы, рэшткі страў, надзеленыя ахоўнымі, плоднымі ўласцівасцямі, выкарыстоўваліся як сродкі земляробчай і жывёлагадоўчай магіі, прыкладам саломы са святочнага стала падвешваліся дрэвы ў садзе, «каб добра радзілі». Верх куцці знімалі і аддавалі курам, каб добра несліся (Ляплёўка Брэсцкага р-на, зап. ад Лялько Л.І.).

Найбольш урачыстым святам з'яўляецца Ражаства (па праваслаўным календары — 7 студзеня, па каталіцкім — 25 снежня), калі абавязкова наведваюць храм і наладжваюць святочны стол са скаромнай ежай, у складзе якой — мясныя стравы. На другі дзень Ражаства распачынаюцца забавы, танцы, гасцяванні. Моладзь звычайна збіралася ў вялікай хаце, наймала музыку і наладжвала танцы з гульнямі. Каляднікі маглі насіць батлейку — «шопкі»: «Рождество — ішлі в церковь, моленыся. Прыходылі домой, все елі куццю по ложке і варылі кісель з авсяных хлопьев. Было мясо, колбасы, у кого как. Девчата собыралыся на гуляні. Ходылі з козой. Кто-то з хлопцев одевався за козу — роги, сподніцу. Коза танцовала. Когда коза падае, трэба гаспадару «даты колбасы, сала, шоб наша коза встала».

Былі людзі, што не разрэшалі ўваходзіць. [Тады казалі]: «В этой хаце няма чаго даць». Пасля гуляюць. Рабілі шопку — домік, дзе родыўся Ісус Хрыстос. З цвэтнэе бумагі клеілі сцены, у сярэдзіне ставілі фігуркі жывёл, свеча горыць і как-будто фігуркі ідуць. Праздновалі по 13 чысло» (*Чэрні Брэсцкага р-на, зап. ад Пячко Марыі Емяльянаўны, 1925 г.н.*).

«Богата кóледа», «богаты вэчэр», «богатая куцця», «Шчодры», «Шчодрэц» — так называўся вечар напярэдадні Новага года, калі на святочны стол гатаваліся скаромныя стравы. У першы дзень новага года, ранніцай дзеці абыходзілі хаты з зернем, якое сыпалі навокалз пажаданнямі дабрабыту. «Гэты дзень называўся Васіллем. Діткі ходылі па хатах і сыпалі зерне кругом, каб ураджаі быў, каб было багата на сталях» (*Кустын Брэсцкага р-на, зап. ад Драб Зінаіды Станіславаўны, 1927 г.н., бел., пісьм., правасл., мясцовая*). На багатую куццю перад Новым годам выпадала большая частка варожбаў. Калядныя дзявочыя **варожбы** — гэта пераважна вырожбы пра будучы шлюб, жаніха. Іх можна падзяліць на два віды. Першыя звязаны з вызначэннем тэрміну і месца будучага замужжа (ці выйдзе ў гэтым годзе дзяўчына замуж, і калі выйдзе, то пешай ці пасля сябровак і з якой мясцовасці будзе муж, колькі верст паміж хатамі нявесты і жаніха):

«На Коляды годалі: возьмеш дрыва (паленье) і кінеш, а потым шчытаеш, чы до пары. Еслі до пары, то на свадзьбу» (*Орхава Брэсцкага р-на, зап. ад Олендэр Лідзіі Карпайны, 1935 г.н., пісьм., правасл., мясцовая*).

«Бралы ў ахапку дровы, а потым іх лічылы. Колы іх була цотная колькасць, то то значыло, што дзіўчына хутка пйдэ замуж. Колы няцот, то нэ ў хуткім

часе пйдэ» (*Кустын Брэсцкага р-на, зап. ад Саплевіч В.П.*).

«Вжэ пуд повноч выходылы до збораі обдымалы ёго. Шчыталы, кулько штахет обняла. Як ду пары — в сему годі замуж выйдэш» (*Альха Брэсцкага р-на, зап. ад Шмыдкай К.М., 1924 г.н., бел., прав., мясцовая*).

«Шили такую подушечку, как игольница, вот такую подушечку маленькую, подвешивали ее так о до потолка на какой-то гвоздик, так о вот на нитке и туда — вот сколько нас девчат (нас было пять девочек) — мы брали иголки одинаковые и нитки одинаковой длины, вот втыкали в эту подушечку и вместе (кончики ровные) поджигаем спичкой, и они горят. Чья первая сгорит, та первая замуж выйдет. И у нас вот как попало, точно так, всё совпало. Всё правду показало. Одна девчонка уже всё, заявление подала, наша подружка, всё, уже замуж собирается, но она должна была выходить по ниточкам третья, но моя и ее сгорели вместе, мы вот по счету третьи должны выходить с ней. И точно так получилось. Она уже заявление подала, тут вторая говорит: «Всё, уже замуж вышла!», а та все еще женится» (*Ляплёўка Брэсцкага р-на, зап. ад Лялькі Л.І.*).

«Прыносілі петуха (дзевушкі пасобіраюцца), клалі зёрнышкі па кучкам — у кого раньшэ возьмёт, та і раньшэ замуж выйдзет» (*Орхава Брэсцкага р-на, зап. ад Жук Зоі Трафімаўны, 1926 г.н., правасл., мясцовая, скончыла 5 класаў*).

«Прыносылы курыцу і россыпалы зерно дэвочкі ў кучі, і чія курыца дзёбнэ раньшэ, тая выйдэ сама перва замуж» (*Астрамечава Брэсцкага р-на, зап. ад Нігачой В.П.*).

«Ой, ў нас колыся так было, булы молодые, набырэм у сусіда дров, вкрадэмо і нысэмо, прыворожым. Скількі полін, стількі будэ верст до того молодого. О так. Колыся пітуха бралы. Э... зэрнят на-

кладэмо і кількі наклею пітух, стількі верст до молодого. [А калі гэта было?] А это было Коляда, на Кóляду ў нас было. ...А колыся як одінэмо звязду, зробымо, этого... всяких таких пітушков наробымо! І вот гадаемо. Ёдэм по хатах. Коло хаты там крычымо: «Выйды, там гэтой, жэніх!» Чы выйдэ, чы выглянэ, чы то твій, чы то мій. Такая була в нас...» (*Пескі Брэсцкага р-на, зап. ад Рабчынскай Марыі Рыгораўны 1927 г.н.*).

«Бралы сапог, выходылы на вуліцу і кідалы за порог. Куды ён будэ носом показываты, туды і возьмэ жаніх дзяўчыну» (*Кустын Брэсцкага р-на, зап. ад Саплевіч В.П.*).

«Выходылы на поріг, ставалы ліцом до восходу і кыдалы ботінок. В які бік нуском впадэ — туды і замуж пуйдэш» (*Альха Брэсцкага р-на, зап. ад Шмыдкай К.М.*).

«На Коляды дэвочкі ворожылы: кідалі туфлі через хату — куды носок туфля упадэ, туды замуж пойдэ» (*Астрамечава Брэсцкага р-на, зап. ад Нігачой Вольгі Паўлаўны, 1943 г.н., пісьм., правасл., мясцовая*).

«Сапога через крышу кідалы! Куды носком попадэ, в той бок і замуж выйдэш!» (*Ляплёўка Брэсцкага р-на, зап. ад Лялькі Л.І.*).

«Як вжэ шлы гуляты, дэвка, якая нэдавно вышла замуж, давала по куску ковбаскі. І шлы гуляты, і слухалы: в якуй сторони, покуль йісы ковбаску, забрэшэ собака, туды й замуж пуйдэш» (*Альха Брэсцкага р-на, зап. ад Шмыдкай К.М.*).

«Збыралы крошкі з стола. Выходылы ў двор і звалы собак. З якога боку першага выйдэ собака, з того боку і прыйдэ жаніх» (*Кустын Брэсцкага р-на, зап. ад Саплевіч В.П.*).

«Пяклі бліны. Кожная дзяўчынка памячала свій блін. Усе клалы свої бліны на порог і звалы собаку. К якой чарзе ён з'ісць бліны, у такой чарзе дзяўчаткі і

пойдуць замуж» (*Кустын Брэсцкага р-на, зап. ад Саплевіч В.П.*).

«...Гадалы, а чо ж ны гадалы. І бліны пыклы і пэрэпускалы... Я вжэ ны помню, выходылы на двір. Не, не, булчкі пыклы і субаку пускалы, і клалы. Хто збырэтэ з дывчат і чыю пэршу возьмэ субака, тая пэршая замуж выйдэ» (*Знаменка Брэсцкага р-на, зап. ад Сахарчук Марыі Андрэеўны, 1948 г.н., бел., пісьм., правасл., мясцовая*).

«Дзяўчаткі выходылы на вуліцу і збіралы ў фартух лісце. Потым вытрасалы яго. Куды вецер панясе, туды і замуж ісці» (*Кустын Брэсцкага р-на, зап. ад Янчук Ганны Фёдарайны, 1931 г.н., бел., пісьм., правасл., мясцовая*).

Другая група варожбаў павінна была ўказаць на суджанага, яго імя, знешні выгляд, характар, сацыяльны і маёмасны статус.

«Пяклы салёныя бліны. На ноч з'ядалы і козалы: «Хай напоіць той, хто будэ жаніх». Хто ў гэтую ноч прысніцца, той і будэ жаніхом» (*Кустын Брэсцкага р-на, зап. ад Янчук Г.Ф.*).

«Клалы под подушку рошчоску — які парень прійдэ у сні по рошчоску, за того пойдэ замуж» (*Астрамечава Брэсцкага р-на, зап. ад Нігачой В.П.*).

«Перед Новым годом стукалі в окно дома і пыталі: «Как мого кавалера звать?» (*Орхава Брэсцкага р-на, зап. ад Олендэр Л.К.*).

«Штахеты обнимали! Выходишь, обнимаешь штахеты. Если штахета — значит выйдеш замуж за кавалера, если дырка попадае — значит за вдовца» (*Ляплёўка Брэсцкага р-на, зап. ад Лялькі Л.І.*).

Асабліва небяспечнымі лічыліся варожбы з свечкамі і люстэркам, якое адмыслова адкрывала шлях у іншасвет, чым забяспечвала зносіны з дэманамі: «Свечкі — то страшно. Это ў двенаццаць часоў само страшно. Зеркало ставяць, но не надо, кажуць, тое. Это пусты дух

заведе. Ну плохой» (Ляплёўка Брэсцкага р-на, зап. ад Вірчык Соф'і Філіпайны, 1928 г.н., бел., закончыла 3 класы, правасл., мясцовая).

Некаторыя абрады і звычаі, у тым ліку сама варажба, павінны былі паспрыяць хуткаму замужжу, вызначыць будучыя шлюбныя пары:

«Дорогу полівалі чернілом. Кто дружит паренё с девушкой... зімой по льду. Это в Богаты вечер было. Мне тоже с однокласником[полілі]. Мы просто так с ним учілісь хорошо, жілі через трі дома. I вот сінім чернілом к нему дорогу вылілі. Это как пары, значіт, что уже женіх і невеста» (Ляплёўка Брэсцкага р-на, зап. ад Пракапюк Антаніны Сцяпанайны, 1957 г.н., бел., зак. сярэдняю школу, правасл., мясцовая).

«Целу купіцю сіна высыпалі на дорожку между дварами парня і дівчыны. Это на Богаты вечер» (Ляплёўка Брэсцкага р-на, зап. ад Пракапюк А.С.).

«Всяких таких пітушков наробымо! I вот гадаемо. Йдэм по хатах. Коло хаты там крычымо: «Выйды, там гэтой,

женіх!» Чы выйдэ, чы выглянэ, чы то твій, чы то мій. Такая була в нас...» (Пескі Брэсцкага р-на, зап. ад Рабчынскай М.Р.).

Нават само выкананне песень дзяўчатамі падчас абходаў хат, дзе жылі хлопцы, мела матрыманыяльную скіраванасць: «Ну спывалы такыі пісьні, сэб прывыкаты молодых, кавалерув шукаты, такыі в нас пісьні хорошы булы» (Пескі Брэсцкага р-на, зап. ад Рабчынскай М.Р.).

Шчодры вечар характарызуецца праявам карнавальнай усёдазволенасці, калі традыцыяй прадпісваліся свавольствы моладзі, дазвалялася рабіць «псоту»:

«Калитку снимали на Богаты вечер. На 13-е. Туалеты валили. А еще самое, если уже сильно-сильно там кому-то хочется достать, значит, стеклышко — и на дымоход. Снимали ворота! Постоянно! А ещё меняли, например, мои ворота моему жениху занесут, а от жениха ко мне ворота занесут» (Ляплёўка Брэсцкага р-на, зап. ад Лялько Л.І.).

«На Калядкі собіралісь дівчата в хате, а хлопцы мазалі окны краскай,

каліткі снімалі, туалеты переносят, повозкі на хлев заносілі па часткам і там збіралі» (Орхава Брэсцкага р-на, зап. ад Недашкоўскай Надзеі Іванайны, 1957 г.н., пісьм., правасл., мясцовая).

«Хлопцы делали псоту (мазали окно мелом или краской). Если девчина справная, тона следующий день окно будет вымыто» (Орхава Брэсцкага р-на, зап. ад Недашкоўскай Н.І.).

Пераважна да Ражаства і Шчодрга вечара прымеркаваныя святочныя **калядныя абходы**, склад удзельнікаў якіх вызначаецца разнастайнасцю: дзеці, людзі сталага ўзросту, хлопцы, дзяўчаты, змешаныя гурты. Напярэдадні або ў першы дзень Ражаства пачыналі хадзіць гурты з мужчын ці жанчын (часта удзельніц царкоўнага хору, пеўчых). «Коляды проводятся 7 января. Люди ходят переодетые по деревне от дома и поют колядные песни. Подходя к дому, колядовщики просят хозяев, могли бы им колдовать: «Пане господыне, пане господарэ, дозвольтэ песню нам спеть, ваш дом повеселит». Когда хозяева разрешают, то поют колядную песню, в которой прославляют Господа Бога. Хозяева благодарят за песню. Колядовщики, уходя, поют. И идут к следующему дому. А если в доме не хотят, чтобы им пели, то закрывали калитки и занавески. Тогда колядовщики пели: «А в тый хаты ныма чого даты. А штоб вашу хату дралы куропаты».

Як нычэго ны дасть, то «в нашій хаты ныма чого даты, сучка вэртыця, спаты кладовыця». О такая пісьня, як ныхто нычэго ны дасть, такія пісьні булі (Пескі Брэсцкага р-на, зап. ад Рабчынскай М.Р.). «Колядныкі» хадзілі з шматпрамянёвай, рознакаляровай, рухомай зоркай — знакам свята Ражаства Хрыстова, іканічным сімвалам евангельскай зоркі, якая прывяла вешчуноў да Нованароджанага Хрыста. «А на Каляды тоже хадзілі. Дзе-

лалі такую звязду, тамака такое круцілася, у сярэдзіне звязды — свечка гарыць, і прыходзілі пад акно, песні раждзественскія спявалі, і ўжо хазяін выходзіў, благадарыў іх, частаваў» (Страдзечы Брэсцкага р-на, зап. ад Прысмыцкай Надзеі Паўлаўны, 1940 г.н., бел., пісьм., правасл., у 1960 г. пераехалаз в. Капланцы Бярэзінскага р-на Мінскай вобл.); «А это было Коляда, на Коляду ў нас было... А колыся як одінэмо звязду, зробымо, этого...» (Пескі Брэсцкага р-на, зап. ад Рабчынскай М.Р.). «Колядныкі» выконвалі «святыя» («цэрковныя») песні — рэлігійныя калядкі, вершы, кандакі, узнікшыя на аснове Свяшчэннага Пісання, легендарных аповедаў пра Ісуса Хрыста, Божую Маці, апосталаў.

Мы прыйшлы вас повытаты
I про свято розказаты.
Про свято Роздво Господне
Проспіваты вам сёгодняе.
Хрыстос народывся —
Вісь народ радуе!

(Кавярдзякі Брэсцкага р-на, зап. ад Курчак Марыі Анатольеўны, 1979 г.н., украінкі, прав., пераехала з Украіны ў 1999 г.).

Рожджэство Твое, Хрысте Божэ наш,
Возсія мирови свет разума.
В нем бо звездам служащий
Звездой ўчахуса Тебе кланятися,
Сонцу правды, и Тебе видети,
С высоты Востока.
Господи, слава Тебе!

(Альха Брэсцкага р-на, зап. ад Шмыдкай К.М.).

Всем чудо совершилось,
Всем таинство открылось:
Бог от Девы воплотился
И мир тёмный осветился.

Небо и земля ликуют
Всё творенье торжествует,
Вся тварь в дивном восхищеньи
Славит Божие Рожденье.

Все к Рождённому приходят,
В Вифлееме и там находят
Для своих душ утешенье
И для сердца просвещение
(Астрамечава *Брэсцкага р-на*,
зап. ад Нігачой В. П.).

У Вифлеемі
В стайні на сіні
Хрыстос родывся
Всім на спасіння.
Люды, радійтэ,
Хрыста вітайтэ.
Божому сыну
Славу отдайтэ.
Слава на небі
Богу Святому.
На зэмлі спокой
Роду людскому!
(Кавярдзякі *Брэсцкага р-на*,
зап. ад Курчак М. А.).

Рождество Христово,
Ангел прилетел,
Он летел по небу,
Людам песни пел.
Все люди ликуйте,
В сей день торжествуйте,
Днесь Христово Рождество!
Я лечу от Бога, радость вам принёс,
Што в пещере тёмной
Родился Христос.
Скоро поспешайте,
Младенца витайте,
Новорожденного!
Пастушки в пещеру
Прежде всех пришли,
В яслях на соломе
Господа нашли.

На колени пали,
Христу дары дали,
Богу воплощённому.
Ирод злочестивый о Христе узнал
И убить Младенца воинов послал.
Всех детей убили, мечи притупили,
А Христос в Египте был.
Много мы грешили,
Боже, пред тобою,
Все мы очень грешны,
Ты один святой.
Прости согрешенья!
Дай нам обновленья!
В день Христова Рождества!
(Кустын *Брэсцкага р-на*, зап. ад Брык
Яўгеніі Мікіцічны, 1939 г. н., пісьм.,
правасл., мясцовая).

По всіму світу
Встала новына:
Дэва Марыя
Сына родыла.
В яслі положила,
сінцэм прытрусyla } 2 р.
Господнего сына.
Прышлы анёлы з нэба до землы
Прынеслі дары Дэве Марыі.
Тры свечы восковэ } 2 р.
Іісусові Хрыстові.
(Чэрс *Брэсцкага р-на*,
зап. ад Міхалюк В. А.).

Акрамя таго, гурты каляднікаў вы-
конвалі традыцыйныя агульныя каляд-
кі, а таксама песні, прысвечаныя гаспа-
дару, яго жонцы і дзецям, прыкладам:

Добрый вечер, пан-господар,
Отціні окно, штоб было добро,
Отціні сені, штоб пчёлы селі
В хвоі двоі, в дубе троі,
Позвольте песню петь.
(Лышчыцы *Брэсцкага р-на*,
зап. ад Хоміч Зіноўі Клімаўны, 1946 г. н.,
пісьм., правасл., прыезджая).

А колядочки, ходытэ хутэнько,
Ай, лэ-лэ.
Ходытэ хутэнько.
Нашыя дзевочки сумнэнькыя.
Ай, лэ-лэ.
Каб нам колядочок
на нядзелёк дзесяток.
Ай, лэ-лэ.

(Кустын *Брэсцкага р-на*,
зап. ад Саплевіч В. П.).

Ой, вчора з вячоры
Засьвяціла зора,
Зора засьвяціла, людзей пабудзіла.
— Людзі, уставайце,
каляды нам дайце,
Дайце, не шкодуйце,
весело сьвятуйце!
(Чэрс *Брэсцкага р-на*,
зап. ад Міхалюк В. А.).

Абавязкова заклінаўся добры ўрад-
жай у новым годзе:
Ходыць Ілля на Васылля,
Носыць пугу жыццаную.
Дэ махнэ — там жыто,
Дэ нэ махнэ — там нэма
(Кустын *Брэсцкага р-на*,
зап. ад Драб З. С.).

Добры вечар тобі, пане господарэ.
Прыпей: Радуйся, ой радуйся, земле,
Сын Божый народывся.
Застылайтэ столы та всэ калымамы.
Прыпей:
Та кладіт' калачы з яроі пшаныці.
Прыпей:
Бо прыйдут' до тэбэ тры празднікі ў
госты.
Прыпей:
А першы то празднык —
Святое Рожэство.

Прыпей:
А другый то празднык —
Святого Васыля.
Прыпей:
А трэтый то празднык —
Свято Водохрышча.
(Чэрс *Брэсцкага р-на*,
зап. ад Міхалюк В. А.).

Добры вечер, шчодры вечер
Добрым людзям повесь вечер!
Ці дома, дома сам пан-господар?
Ой колі дома, то надінь шубку,
То надень шубку, выйді на вулку,
Стань дай послухай, што в хмары гудэ,
Што в хмары гудэ, сам Господ іде.
Сам Господ іде, все роі веде,
Все роі веде дай расказвае:
— Летете, пчолкі, на сторічэньку
Посторічэньку, па новічэньку.
Посейте, пчёлкі, крытые медкі,
Крытые медкі, сыты сытіті,
Сыты сытіті, сыны женіті.
Жёлтые воскі Богу на свечкі
Свечі сукаті дочкі отдаваті.
(Лышчыцы *Брэсцкага р-на*,
зап. ад Хоміч З. К.).

Адно з галоўных абрадавых дзеян-
няў свята — абход двароў каляднікамі
з удзелам маскіраваных персанажаў.
«Збіралася моладзь, апраналі розныя
адзенні, маскі звярэй. Ходылы по ха-
тах со «звездой», пелі песні. У песнях
жадалі ўсяго самага добрага дому, у
які прыйшлі. Жадалі добрага ўраджаю,
добрых жаніхоў дзяўчаткам. Прасілі ў
гарманіста, каб він паграў. А за гэта не-
слі ёму яечка. Потым прасілі пачастун-
ка ў хазяіна за нашыя песні, пажаданні.
Нас частавалі пірагом. Розныя гуль-
ні булі: «Каза», «Кобула», «Мэдвэдзь».
Вось, дзіткі, о так, бралыся за ручкі і
водылы карагоды вакол «казы». «Каза»
скакала, танцювала, было вэсэло, гучно»
(Кустын *Брэсцкага р-на*, зап. ад Карпук

Марыі Іванайны, 1925 г.н., бел., пісьм., правасл., мясцовая), «А колыся, знаеце, ходылы мы, одівалыся красіва, по-другому. Вбыруць то мыдвыдзя, то козла, то на мытлі йдэ. Хто кашу, хто ковбасу. . . Вот як у нас колыся хорошэ! А тыпэрны тое вжэ» (Пескі Брэсцкага р-на, зап. ад Рабчынскай М. Р.).

Абрадавае калядаванне такога тыпу звычайна ўлучае наступныя складнікі: 1) зварт да гаспадароў з просьбай упусціць у хату і дазволіць пакалядаваць («Пустітэ до хаты колядоваты. // На дворі мороз, стояты нэ мож. // Пустітэ до печі погріты плечі, // Пустітэ до грубы погріты зубы» (Кавярдзякі Брэсцкага р-на, зап. ад Курчак М. А.), 2) выкананне гульні-паказу і адпаведных славесных тэкстаў, 3) абдорванне і падзяку за яго. «Дети и молодёжь переодевались в медведя, цыгана, цыганку, ведьму и обязательно в козу. После колядной песни цыган говорит медведю: «Ану-ка, Мишенька, покажи, что ты умеешь!» Медведь танцует, притопывает ногами, кувыркается. В конце Медведь кланяется для хозяев, чтобы они его угостили. Хозяйева угощают Медведя. Затем цыган говорит: «Ану-ка, Козонька, поскочи» (коза скачет). Колядовщики:

Где коза рогом —
Там жито стогом.
Где коза ногой —
Там жито горой.

Затем коза падает, чтобы лучше их одарили. Цыганка говорит: «Ой, Боже, коза наша здохла». Цыган приговаривает:

А щоб коза встала,
Дай, хозяйка, сала.
А щоб нэ болилы у ей ножкы,
Дай, хозяйка, щэй и пирожкы.

Хозяева угощают козу, она встаёт и дальше танцует. Цыганкав это время старается стащить что-нибудь со стола и спрятать (для шутки). Колядовщики благодарят хозяев и идут к другому дому» (Ляплёўка Брэсцкага р-на, зап. ад Лялько Л. І.).

Менавіта калядныя абыходы з «казой» (сімвалам пладавітасці і жыццёвай сілы) і адпаведныя песні карысталіся найбольшай папулярнасцю. «Хадзілі з казой. Каза танцавала: «Трэба гаспадару даць сала, // Шоб наша коза встала» Калі ніхто нічога не даваў ці не адкрываў дзверы, то гаварылі: «У гэтай хаты няма чаго даты». (Чэрні Брэсцкага р-на, зап. ад Андрасюк С. М., 1930 г.н.).

Дзіцячае калядаванне таксама магло ўключаць нашэнне зоркі, пераапраанне і часта адбывалася ў спрошчанай форме: «Колядоваты ходылы діты. Баткі дома шыхуюцца до коляднэй вэчэры, а малыі пэрэдыгаюцца, рысуюць «морду» — хто якую: хто чорта, хто шчэ кого — пэрэдыгаюцца, шоб йіх ныхто нэ пузнав. Звэзду з рэшэта робылы. І як тыко стэмніе — выходылы на двір і шлы по сэлі, заходылы в хату, пісні спэвалы. Ну а вжэ хозыін хаты даваўім шо-нэбудь: хто колбаску, хто пырогі, хто сало. І так в кажнуйхаті. А як обыйдуть всё сэло, ставалы кола крыжа, тры разы кланялыся сэловы і ішлы дэлыты тое,шо назбыралы» (Альха Брэсцкага р-на, зап. ад Шмыдкай К. М.). Замест уласна калядкі дзецьмі калі-нікалі выконвалася толькі яе канцоўка тыпу:

Кулядую, кулядую,
На пэчы куўбаску чую.
(Орхава Брэсцкага р-на,
зап. ад Жук З. Т.).

Заканчваць сваё выступленне каляднікі маглі традыцыйнай песняй ці вершаваным зваротам да гаспадароў:

Ой Коляда, колядыца,
Дайтэ маку да кутыцы,
Як нэ дастэ — откажытэ,
Моіх ножок нэ томітэ
(Збірагі Брэсцкага р-на,
зап. ад Калчук Р. В., 1938 г.н.).

Давай, баба, коўбасу,
Я до Бога понясу.
Бог не прімёт —
Назад понясу.
(Орхава Брэсцкага р-на,
зап. ад Жук З. Т.).

Коляд, коляд, колядэця!
Добра з мэдом палюнэця,
А быз мэду ны така,
Дайты, дедьку, пятака,
А пятак ны такэй,
Дайты, дедьку, золотэй!
(Прыбарава Брэсцкага р-на, зап. ад
Пенцак Надзеі Іванайны, 1952 г.н.,
бел., прав., мясцовая).

Гаспадары стараліся даць каляднікам шчодры пачастунак, бо лічылі, што гэта забяспечыць ім дабрабыт. Напрыканцы выказваліся добрыя пажаданні і падзяка гаспадарам за «абдорванне», прыкладам:

Ой, спасібо тому дому,
Шчэй тый госпodyні.
Даруй лета счаслівым
Всій вашый родыні.
Даруй лета счаслівым
Всій вашый родыні.
(Чэрск Брэсцкага р-на,
зап. ад Міхалюк В. А., 1934 г.н.).

Скупым гаспадарам адрасаваліся пагрозы і праклёны кшталту:
Як не даеце ў гэты вечар каляды,
То шоб за лето з'елі карову у вады
(варыянт — авады) !
(Лышчыцы Брэсцкага р-на,
зап. ад Хоміч З. К.).

Пасля заканчэння рытуальных абходаў хад каляднікі маглі ладзіць вясёлую

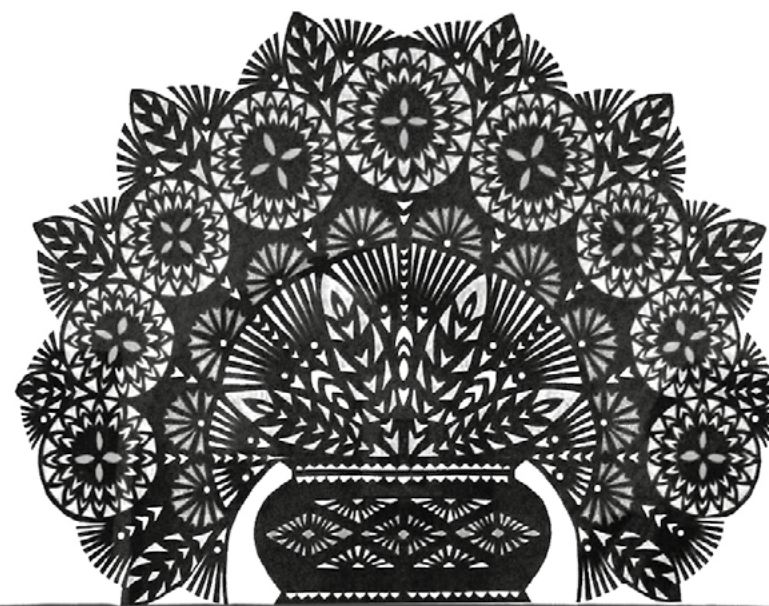
пагулянку: «[а по хатах давалы] і ковбасу, і пыріг, і гуся, і грошы, всё, шо хочэш! О тогда повну корзіну набырэмо, і тогда собыраемся. Так воно было, так воно было. І п'емо, і гуляем, і спываем вылькі пісьні, хорошы. Высяло было, добрэ» (*Пескі Брэсцкага р-на, зап. ад Рабчынскай М.Р.*).

Святам Вадохрышча — 19 студзеня (па праваслаўным календары) ці 6 студзеня (па каталіцкім) — завяршаліся зімовыя калядныя святкаванні. Аднак другі дзень пасля Вадохрышча называўся «Па абед Каляда» ці «Адпусціцель» (*Брэст, зап. ад Токуна Паўла Мікалаевіча, 1932 г.н.*). У царкве асвячэнне вады адбывалася на вячэрнім богаслужэнні 18 студзеня. У гэты дзень не ўжывалі скаромнай ежы, а ўвечары спраўлялі апошнюю (бедную) куццю. «На водяную кутю 18 января заканчивались Колядки. На стенах домов ставили кресты, освящали святой водой жильё и сараи» (*Брэст, зап. ад Токун Яўгеніі Іванаўны, 1948 г.н.*). Хрышчэнская вада лічылася «памоцнай». «Водохрышча — то вэльмы вэлыке цэрковнэ свято. То свято хрышчэння Ісуса Хрыста. Ёго ж хрыстылы в річцы, і як похрыстылы — і вода в туй річцы — в Іорданні — стала святэю. От і зара на Водохрышчаводу в цэрквах хрыстыаь. То зара вода в цэрквы, а раній воду прямо в річках хрыстылы. От в нас — тоді Буг шэ був открыты — вставалы рано і шлы на річку. На лёдовы вырубалы крыжа, і батюшка тоді служыв

службу. А в конці — тры разы крыжа в тую полынку, шо вырубалы, опустыть, і тоді вжэ вода шчыталася хрышчонэю. Людэ набыралы еі хто в шо, а некоторыі купалыся в полыны. І таявода повинна була стояты до следуюшчого Хрышчэння. Еі пылы, як дэ хто заболіе. А як тыко прыносылы додому — то разом святылы всю хату, подвір'е, скотыну, шоб год був удачны, шоб нэчысть всякую прогнаты» (*Альха Брэсцкага р-на, зап. ад Шмыдкай К.М.*). «На Водохрышче воду святылы, кропылы кругом хаты, сараі, і пылы самы воду. Малым діткам головки мочылы» (*Астрамечава Брэсцкага р-на, зап. ад Нігачой В.П.*). «За нідылю робяць крыжа з лёду і прорубу в річцы. Люды святят воду. Як воду посвятаь, пускают голуба. Він обозначае, як души літаь. Люды бэрут свэчоную воду і святят водою всіх і скотыну, і хату, і самы п'ют. Налівают толькі в стаканчык, з кружкі пыты нэльга. Воду трымают дома, на случай, колы хто захворіе» (*Івахнавічы Брэсцкага р-на, зап. ад Пякарскай Марыі Сільвестраўны, 1927 г.н.*).

Работа выполнена в рамках НИР «Повествовательный женский дискурс в контексте фольклорной традиции Брестчины» задания 2. 5 подпрограммы «Культура и искусство» ГПНИ на 2021–2025 годы «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства (№ госрегистрации 20211451)

НАРОДНЫЯ СВЯТЫ І ЗВЫЧАІ БЭРАСЦЭЙШЧЫНЫ

Іна ШВЕД

«Грiх чыпаты ластовок, бо то Божья птаха»:

ластаўка ў традыцыйнай культуры Берасцейшчыны

Іна ШВЕД,
доктар філалагічных навук,
кіраўнік лабараторыі
«Фалькларыстыка і кразнаўства»
БрДУ імя А. С. Пушкіна

На Берасцейшчыне, як і паўсюдна ў Беларусі, ластаўка вызначаецца высокім сяміятычным статусам, шануецца як святая, чыстая птушка [1]. Адносна яе, як і шэрагу іншых птушак, вылучаецца матыў *паходжання ад чалавека*. Згодна з беластоцкай легендай «Пра сіваю зязюлю, ластаўку і салаўя», ластаўка — дачка вужа і жанчыны. Калі вужу яго цешча адсекла галаву, жонка спырснула мужавай крывёю сябе, сына і дачку, у выніку чаго сама яна ператварылася ў зязюлю, дачка — у ластаўку, а сын — у салаўя. У баладах «Тры птушкі ля забітага молайца» паэтычна абыгрываецца зваротная метамарфоза жанчын у ластавак.

Матывы паходжання ластаўкі ў выніку метамарфозы дзяўчынкі (рытуальна чыстай) або заступніцтва за чалавека, супрацьстаяння варожа на-строеным у адносінах да яго істотам, знаходзяцца ў рэчывы рэгулярна прайграваных сцвярджэнняў аб святасці

ластаўкі, адносінаў да яе як да чыстай, любімай Богам і людзьмі птушкі. Даволі магутны пласт народнабіблейскіх легенд прысвечаны раскрыццю прычын узнікнення такой станоўчай трактоўкі ластаўкі. Паводле адной з іх, ластаўка паказвала Божай Маці шлях да месца распяцця Сына. Ластаўкі таксама стараліся зберагчы Хрыста, паспрыяць спыненню Яго пакутаў і крычалі «Памёр! Памёр!», у адрозненне ад «нячыстых» вераб'ёў, якія крычалі «Жыў! Жыў!»

У адрозненне ад усіх астатніх птушак ластаўка не проста *спачувала Хрысту*, але і прадпрымала рэальныя дзеянні па палягчэнні Яго пакут — выкрадала цвікі, падносіла ваду, вымала церні з вянца. Знакам таго, што ластаўка прыняла на сябе частку пакут Хрыста (падрапалася калючкамі), стала чырвоная плямка на яе грудцы. З біблейскім сюжэтам распяцця звязана і іншае, адваротнае першаму, тлумачэнне з'яўлення чырвонай плям-

кі: «это она гвоздзя прынесла, як Іісуса Хрыста роспыналы. <...> Як прыбывалы, і кроў брызнула под горлушко» [2, с. 407].

У беларускіх шчадроўках ластаўка як святая птушка прыпадабняецца *Божай Маці*. З Уваскрэсеннем Хрыстовым і момантам абуджэння прыроды, змены зімы вясной (і адпаведных цыклаў гаспадарча-культурнай дзейнасці) ластаўкі звязаны ва ўяўленнях пра тое, што гэтыя птушкі прылятаюць пасля таго, як святар скажа: «Хрыстос Уваскрёс!»: «Ластовкы прылытають после Пасхы, як вжэ батюшка скажэ: «Хрыстос Воскрёс!», то вжэ воны прылытають, бо то, мусыць, святыі птахи. Кажуть, іх гнёзда ны можна бурыты» (ФА; *Старое Сяло Жабінкаўскага р-на*). Наогул, матывы *пачатку, адраджэння-ўваскрэсення, стымуляцыі прыроды да каляндарнай дынамікі, абуджэння і развіцця ў «тэксце ластаўкі»* прадстаўлены даволі выразна. Гэта можа тычыцца і пачатку вяснова-летняга сезону, і сутачнага цыклу, дня — «Ластачка нясе нам вясну на крыльцах», «Ластаўка вясну пачынае, салавей лета канчае» (ФА; *Яглевічы Івацэвіцкага р-на*), хоць «Адна ластаўка вясны не робіць» (ФА; *Магілёўцы Пружанскага р-на*).

Вобраз ластаўкі лагічна ўзнікае ў песняй інтэрпрэтацыі тэмы новалецця ў шчадроўках пра тое, як ластака купаецца «на Дунаечку» да прыбіраецца «к сьветому дзеньку да к Васільлеюку, // А к другому да к Новаму году». У адпаведнасці з шэрагам сведчанняў, менавіта са з'яўленнем ластаўкі ў зімова-вясновае памежжа звязана павелічэнне сонечнага святла і цяпла — ластаўка на крылах прыносіць вясну. Сваім шчабятаннем ластаўка, якая з'явілася ў зімова-вясновае памежжа, маркіруе межы каляндарнага цыклу, вербалізуе ўяўленні пра канец «састарэлага» каляндарнага перыяду (у які былі зроблены запасы ежы, зерня) і пра пачатак новага гаспадарчага года,

вясновага новалецця, калі гэтыя запасы вычарпаны, а новы ўраджай яшчэ неабходна вырасціць. Адмыслова структуруючы гадавы час, абвясчаючы яго паварот / вяртанне, адзначаючы важныя вехі гаспадарчага календара, птушка выказвае незадаволенасць вычарпанасцю леташніх запасаў (= самога каляндарнага цыклу), вінаваціць дзяцей (альбо старых ці шкоднікаў-вераб'ёў) у знікненні хлеба, напрыклад: «Переелі, перелущылі. // Чыі діды? — Гарабушчыны. // Дывысь, дывысь, нічога нету, нічога нету» [2, с. 609]. Як своеасаблівую абарончую рэакцыю на дамінантную тэндэнцыю зімова-вясновага памежжа — вычарпанасць рэсурсаў — можна трактаваць папрокі і праклёны ластаўкі: «Як летэла в вырай, то булы стэжкі-купкы, // Гэто хлопчыкі-голопупчыкі поілы, попоролы, // Шоб іх чэрві поточылы» [2, с. 609].

Вяртанне ластавак, як і шэрагу іншых птушак, з выраю ў зімова-вясновае памежжа атрымлівала асэнсаванне не столькі на ўзроўні святочна-рытуальнай

культуры, колькі традыцыйнай нарматыўнай практыкі і магло прымяркоўвацца да дня Сарака пакутнікаў, Благавешчання («На Благавешчэнне прлітае ластівка — то её называюць Божою пташкою. То вэлькэ свято, вэлькэ» (ФА; *Кавярдзякі Брэсцкага р-на*)), даЮр'я або Ніколы вясновага.

Метэапрагназуючая функцыя ластаўкі прадстаўлена ў кароткатэрміновых прыкметах, у якіх актуалізуюцца сяміятычныя апазіцыі «высока/нізка», «заход / узыход (сонца)», «спакойна/неспакойна», «доўга/нядоўга», напрыклад: «Как низко ласточки летают, то, говорят (как дождя нет, а птица начнёт низко летать), вот старые люди староверы говорили: «Ой скоро будет дождь, потому что птицы низко летают»» (ФА; *Вельямовічы Брэсцкага р-на*). У прыкметах, звязаных з вясновым прылётам ластавак, важнымі з'яўляюцца аграрная сімволіка, тэма росту, плоданашэння культурных раслін. Так, «колы рано прылятаць ластаўкі, то будэ добрэ жыто» (ФА; *Сялец Бярозаўскага р-на*). Заканчэнне пары севу звязвалася з вяртаннем ластавак з выраю.

Калі бачылі першую ластаўку (што азначае пачатак новага вясновага сезону), выконвалі рытуальна-магічныя дзеянні рознай накіраванасці. Часта гэта акты ачышчальнай, прафілактычнай, прадукцыйнай магіі. Стараліся таксама забяспечыць прысутнасць заступніка дома, захавальніка жывёлы — ластаўкі — у межах культурнай прасторы, калі вясной бачылі першую ластаўку, кідалі ў яе бок шчэпаць зямлі, «шоб она себе гнездо построила». У адказ на праяўленую да ластаўкі гасціннасць чакаліся дастатак і шчасце ў доме (ФА; *Палкоцічы Іванаўскага р-на*).

З тэмамі новалецця, заканчэння старога сезону і наступлення новага, заключэння шлюбу і працягу роду ластаўка звязана ў масленічных песнях, якія ха-

рактарызуюцца зачынам «А ў нас сёння Масленіца, // Прыляцела ластавіца». У такіх песнях ластаўка можа распараджацца рытуальнай ежай — маслам. Дзяўчаты павінны злавіць, як удачу, масла, якое кідае птушка, растапіць яго і напайць ім сваіх хлопцаў, кавалераў, што нагадвае акт любоўнай магіі («У нас сягоння Масленіца, // Прыляцела ластавіца. // Сядзела на таку, на калу, // Кідала масла на кашу. // Маладая дзяўчына схпіла, // Свайго мілага паіла: // — Пі, мой мілы, хоць да дна, // А я ў цябе буду адна» (ФА; *Заполле Івацэвіцкага р-на*)).

У зімовых і вясновых песнях ластаўка — вястунка вясны пачатку новага гаспадарчага года — выконвае функцыі адпаведна калядоўшчыкаў ці валачобнікаў — надзеленых сакральным статусам персанажаў, што заклінаюць дабрабыт гаспадароў. Яна прылятае здалёку, падлятае пад акно, аб'яўляе пра свой прыход, пытаецца гаспадара і гаспадыню, ці дома яны, абуджае і выклікае гаспадароў. Ластаўка, улучаная ў святочны хранатоп новалецця, — вешчая птушка, якая, як і шчадроўнікі ці валачобнікі, прыносіць «добраю вестку» аб гаспадарчым, сямейным дабрабыце, уступае з гаспадарамі ў дара-абменныя адносіны («Шчэдрык, шчэдрык, шчэдрывонька, // Прылеціла ластывонька, // Стала вона шчэбітаті, // Госпадара выклікаці. // — Выйды-выйды, гаспадарін, // Подывіся на атару — // Вжэ овечка окотылась, // І ягнята народылісь» (ФА; *Плянты Кобрінскага р-на*)).

У песнях на любоўную тэматыку ранняе вяртанне ластаўкі з выраю (лакалізаванага пад вадой, у зямлі альбо далёкай краіне) сімвалічна суадносіцца з раннім замужжам дзяўчыны, напрыклад: «— Ластаванька-чырвяненька, // Да чаго рана з выр'я выйшла, // Шэ ж на горісніг ляжыць? // — Ты ж, дівонька, малынькая, // Чаго рано замуж вый-

шла, // Чы ўмітымыш господарыть? // [Аж вона кажа]: Шо ны ўмію, уразумію, // Шо ны знаю, то у матэры й спытаю» (ФА; *Асіповічы Драгічынскага р-на*). Цэлы комплекс матываў, сувязь ластаўкі з жаночым пачаткам, шлюбнай сімволікай, пераходным статусам, ніжнім ярусам светабудовы (морам, каменем) знайшоў праламленне ў карагодна-гульнявой баладзе: «У нэдыльку ранэнько на зорэ // Шчэбятала ластоўка на морэ: // — Я на білым камушку сэдзіла, // Я ў крутэі бэрожкэ дэвлэлася, // Чэ нэ ідэ мамочка вэчорком. // — А мамочка, мамочка-нэбога, // Знэмэ мэнэ з камушка з білога. // А ў мамочкэ жаластэ нэмного — // Нэ зняла мэнэ з камушка білога. // У нэдыльку ранэнько на зорэ, // Шчэбятала ластоўка на морэ: // — Я на білым камушку сэдзіла, // Я ў крутэі бэрожкэ дэвлэлася, // Чэ нэ ідэ таточка вэчорком. // — А таточка, таточка-нэбога, // Знэмэ мэнэ з камушка з білога. // А ў таточкэ жаластэ нэмного — // Нэ зняў мэнэ з камушка білога. // У нэдыльку ранэнько на зорэ // Шчэбятала ластоўка на морэ: // — Я на білым камушку сэдзіла, // Я ў крутэі бэрожкэ дэвлэлася, // Чэ нэ ідэ мілэнькэ вэчорком. // — А мілэнькэ, мілэнькэ-нэбога, // Знэмэ мэнэ з камушка з білога. // У мэлого жалостэ і ўсёго мнэго — // Він зняў мэнэ з камушка з білога» (ФА; *Сулічава Драгічынскага р-на*). (Дарэчы, лакатыўная сувязь ластаўкі з морам абыгрываецца ў загадках, згодна з якімі птушка бывае за морам, ходзіць па моры). У вясновых песнях ластаўка (якая можа характарызавацца як «касістая, грабяністая») сімвалізуе дзяўчыну, якая ў бягучым годзе павінна выйці замуж: «Ой, у городзе под подочком, там окупалас ластовочка, // Там окупалас ластовочка, на берожку сушылася, // На берожку сушылася, дзевка ў бацька просілася: // — Ох, мой баценько, мэй родненькі, да й жэ мне ты свою волю — // Гэтое лето погуляці, русую косу росчэ-

саці. // Руса коса до пояса, белое лічка, як яблычко. // Ой, Тройца, Тройца, Богуродзіца, ой шчо посееш, то й зародзіцца» (ФА; *Вялікая Гаць Івацэвіцкага р-на*). Сімвалічная карціна «ластавак у стрэсе» нярэдка фігуруе ў песенных параўнаннях закаханых з птушкамі: «Як мы любіліся, як ластачкі ў стрэсі, // Цепер разышліся, як туман па лесі...» (ФА; *Магіліцы Івацэвіцкага р-на*). Такім чынам, ластаўка звязваецца з пачаткам-разгортваннем і каляндарнага, і сацыяльнага цыклаў.

У вясельных песнях ластаўка — гэта нявеста: «Ой, сваціца-галубіца, прашу вас, // Пералёцела наша ластаўка да вас. // Хоць вы яе таўчы, малоць застаўляйце, // Хаця ж вы яе ў гасцейкі пускайце. // — А яна ў нас таўчы, малоць не будзе, // А яна ў нас часта ў гасцейкі хадзіць не будзе — // Рана пусціўшы — будучы людзі смяцца, // А позна пусціўшы — будзе ваўкоў баяцца» (ФА; *Гейляшы Сморгонскага р-на*). Матывы кахання, шлюбу, сімвалічная асацыяцыя ластаўкі з жаночым пачаткам, любоўю і шчасцем даволі актыўна рэалізуюцца ў матрыманіяльных прыкметах, любоўнай магіі. Так, лічыцца, што калі ластаўка пабудавала сваё гнездо на хаце дзяўчыны, то яна хутка пойдзе замуж, калі ластаўка лётае над галовамі маладых падчас вяселля, іх чакае добрае жыццё (ФА; *Сялец Бярозаўскага р-на*). Матыў звання ластаўкай гнязда (што выяўляе сімваліку шлюбу) абыгрываецца і ў вясельных песнях.

Ластаўка, якая ладзіць гнездо на даху дома або хлява (як і бусел), надзелена функцыямі апякункі дома і свайскай жывёлы. Гнездаванне ластаўкі, як і бусла, прыносіць дому шчасце, дабрабыт, засцерагае яго ад перуна, пажару: «Колы ластовка зов'е гнэздо на хаты, то будэ добрэ ў сэм'і, о. То мне так маты казала. У нас было гнэздо под стрэхой» (ФА; *Канатоп Іванаўскага р-на*). Дрэнным знакам лічылася, калі гэтыя птушкі пакідаюць

гняздо. Калі ластаўка (якае засцерагае хату ад пажару) пакінула гняздо — дом згарыць (ФА; *Канатоп Іванаўскага р-на*; *інш.*). Кажуць, што «забіваць птушку было заўсёды грэх. Грэх. Ластоўку — не, бусла — не, дый другіх так» (ФА; *Мачуль Столінскага р-на*).

Вельмі значны ў «тэксце ластаўкі» матыў заступніцтва дому звязаны з уяўленнямі аб яе «сямейнасці», клопаце пра сваё гняздо, птушанят. Сярод усіх іншых птушак ластаўка вылучаецца тым, што максімальна старанняў прыкладае да таго, каб віць моцнае, дабротнае гняздо. Паводле легенды, яна стала лепшай паслядоўніцай птушынага настаўніка. Асаблівая схільнасць ластавак да пабудовы незвычайна дабротных гнёздаў, і, магчыма, яе сувязь са скатом, выяўлены ў загадках, дзе птушка малкецца як конь альбо «лысенькая кабылка», якая возіць на гару гліну, будзе-малое гліняны дом (горад).

З адзначанага зразумела, чаму вялікім грахам лічыцца спусташэнне гнязда ластаўкі, яе забойства і ўжыванне ў ежу. Гэтыя забароны атрымалі разнастайныя міфапаэтычныя тлумачэнні, у тым ліку аформленыя ў выглядзе прыкмет, павер'яў і інш. («Кажуць, што ластаўка — это добрэ, як і засэрць тобі ўсі окна» (ФА; *Астро́мічы Кобрынскага р-на*), «Ластачка хороша. Нельзя бурыты гнёзда. Потому што к нешчасцю. Ну вот, еслі построілі в жілом помешченіі і прямо перед входом, ну не в коем случае неможно бурыты. Прыбірай, подметай» (ФА; *Хмелева Жабінкаўскага р-на*)). Той, хто забіў ластаўку можа наклікаць няшчасце як на сябе, так і на сваіх блізкіх ды гаспадарку («Убьёшь ласточку — будешь несчастлив» (ФА; *Брэст*)). Разнастайнымі малююцца пакаранні за спусташэнне гнязда ластаўкі. Так, забойства ластаўкі выклікае дысбаланс у гаспадарчай дзейнасці, цягне за сабой падзеі скаціны:

«Кажуць, скотына ўся подохне» (ФА; *Канатоп Іванаўскага р-на*) — гэта красамоўна сведчыць аб успрыняцці ластаўкі як апякункі жывёлы.

Але найбольш распаўсюджанае пакаранне за шкоду ластаўцы датычыцца сферы не гаспадарчага, а прыватнага жыцця чалавека — з'яўленне на твары вяснушак, што звязана са стракатасцю ластаўчыных яек, якія пакрыты бура-чырвонымі крапінкамі («Ластаўчыно кубло не можна скідаць, бо тожэ будзе якое-то няшчасце. А як яечко бярэш у руку, то рабацінне будзе на твары, погэтану не можна. А так... Ну як сава блізка каля дома недзе там завухкае, то ну як бы прэ-дупрэждае про некую бяду, про навалу» (ФА; *Мачуль Столінскага р-на*), «Я счिताю, ежеле ластачка, нельзя трогаць рукамі, то будзеш каналатая» (ФА; *Амеліна Кобрынскага р-на*), «[Гнёзда ластавак] нэ нада ро-скідаты. [А чаму?] — Бо работынне будэ. На ліцовы вяснушкі такіе, чорны пятна» (ФА; *Паніквы Камянецкага р-на*), «...это будуть эти, віснушкі по лицу, это говорілі фсёгда, што еслі токо розбурыш гнездо [ластаўкі], фсё, будеш рябым» (ФА; *Астро́мічы Кобрынскага р-на*), «Нельзя бурыць гнёзда ласточек, потому что канопушки будут, и ласточки — Божья птичка» (ФА; *Лютя Брэскага р-на*), «Ластовачку, то казали: нельзя браты в руки, як дітэ.... То нэ такэ булэ ж хатэ, як зарэ. А такы во, под соломенною крышою. І всігда двэрэ булэ открыты. А воны в сінях, я помню. Там хата, а там сені. А в тых сенях под соломенною крышею делалі гнёзда. І тые ластовынятка малые пілыкалі. То ўсё казали малым, што нэ можно у руки брать, бо по ліцы тые кропенькі будуть» (ФА; *Лелікава Кобрынскага р-на*), «О ласточке не знаю, но, как малый был, бабушка говорила, что нельзя гнезда скідать, бо на ліце будэ ластовіння — вяснушкі» (ФА; *Брэст*), «[А не казалі, што нельга чапаць гняздо ластаўкі?] — Казалы! Ну... вяснуш-

кы будуть. Еслі, конечно, гнездо тое портыш, то будуть такые вяснушкы» (ФА; *Падлужжа Брэскага р-на*), «Грэх чыпаты ластовок, бо то Божья птаха, набырэшся рабыння» (ФА; *Астрамечава Брэскага р-на*)). У гэтых уяўленнях, якія падтрымліваюцца на ўзроўні абрадавага кода і нормаў бытавых паводзін (абмежаваная кінесіка, універсальная забарона дотыку, «лазання» ў гняздо), ускосна прадстаўлена сувязь ластаўкі з сонцам.

Асабліваю цікавасць у аспекце ўзаемааднесенасці ластаўкі, вяснушак і сонца прадстаўляюць беларускія сведчанні, паводле якіх вяснушкі (іх называлі «капелькі сонца, рабчыкі» (ФА; *Вялікая Турна Камянецкага р-на*)), могуць з'явіцца ў чалавека толькі з-за таго, што вясной ластаўка пераляціць яму дарогу (верагодна, птушка ініцыюе іх з'яўленне не толькі ў знак пакарання, а ў выніку непасрэднай «рэалізацыі-матэрыялізацыі» сваёй салярнай прыроды).

Сувязь ластаўкі з усімі ярусамі светабудовы абумовіла яе функцыянальнасць як *медытара-вешчунка*. Гэтая птушка можа як сама прыносіць пэўную інфармацыю, так і сваім з'яўленнем ля хаты ці ў ёй паказваць на хуткі прыход нейкага чалавека з весткай (ФА; *Сялец Бярозаўскага р-на*). «[А калі ластаўкі лётаюць каля хаты?] — Это харашо, вона ек шо, то шэ й і кроз окно полопае. Вжэ хто-то появыцца, хто-то прыідэ чы шо» (ФА; *Лелікава Кобрынскага р-на*). Ластаўкі, як і іншыя птушкі, у чым абліччы могуць з'яўляцца душы памерлых, могуць прадказваць смерць. Жыхарка Цюпрыкаў згадвае: «[Птичка — в окно] — это какое-то известие, известие, обычно новость. Вот если в хату залетает птичка, то вжэ ласточка обычно, то это уже на плохую дорогу. На плохую дорогу и даже и на смерть. Я помню как к моему мужу — должен был умереть — две, значит, ласточки влетели. Еле их невестка выгнала, их еле их

невестка. И тут он через недели полторы и умер». У гісторыі іншай жанчыны са смерцю і пахаваннем мужа звязваецца настойлівае імкненне ластаўкі (магчыма, асэнсаванай як душа нябожчыка) зляпіць гняздо на дзвярах хаты: «Ну так, так кажуць, шо души ў птушак усяляюцца, але ж... Ну ў нас тожэ, як мы похоронілі мого мужа, это было восьмого чэрвеня, похороны былі. І тож было ластаўка, як здурэла: давай на входных дзверах гняздо клеіць. Вот мой дом это, радом. І хоть ты плач, лепіць і лепіць, лепіць і лепіць. Но я ж пнімаю, шо это, еслі б вона начала вышэй дзе-нібудэ, ну то нехай бы. А на дзвярах — я ж хожу, стукаю. Іменно вот тут вот [паказвае], на саміх дзвярах! Буквальна после похорон прошло, можэ, дней тры — чатыры, і вот тут вот, вот на этом таком месце на дзверах у этом доме. Лепіць і лепіць. Ну і дзеці кажуць: «Ну воно ж не будзе дзержацца». Я возьму венік, это ўсё змяту, вона і зноў, і зноў. Я потым, ну шо робіць, ну шкода ж ее трудов, бо ж это гнездо дзержацца не будэ. Я ўзела гвоздзэ туды забіла і повесіла трапку, ну, думаю, ну на том месце. Вона стала лепіць на эту трапку, гэту гразь носіць і прыклеіваць. І мы тоды ўсе дзівоваліс, шо гэто творыцца. А потом я ўзяла кошэль повесіла, на той гвездзік кошэль повесіла, і пошлі мы на поле, картошку мы пололі з дзяццямі. А потом прышлі, аж вона ужэ на той... но это прошло можэ недзелі ўжэ мо тры, і ўжэ вона перэстала. На кошэль той вона ўжэ не лепіла. Ну вот. Вот тожэ мы тоды кажэм, ніколі такога не было: ні до, ні после [смерці мужа] не было, а то вот такі быў» (ФА; *Мачуль Столінскага р-на*).

Сувязь ластаўкі з душамі продкаў абумоўлены і забароны шкодзіць птушкам: «Ну і так, шо гэта ластаўчына кубло нельзя было скідаць — грэх. Скідаць яго было не можна. Ну, можэ, гэта звязана з тым, што, кажуць, у ластаўцы душа жыве

умершаго чловека, то, можа, по-гэтаму, хто яго знае. Але іх ніхто не скідаў ніколі. Як ластаўка ўжэ дзе паселілася, хай там вона і не ў добрым такім месце для хазяіна, але не скідалі. Хай будзе» (ФА; *Мачуль Столінскага р-на*).

Ну і так, што гэта ластаўчына кубло нельзя было скідаць — грэх. Скідаць яго было не можна. Ну, можа, гэта звязана з тым, што, кажуць, у ластаўцы душа жыве умершаго чловека, то, можа, по-гэтаму, хто яго знае. Але іх ніхто не скідаў ніколі. Як ластаўка ўжэ дзе паселілася, хай там вона і не ў добрым такім месце для хазяіна, але не скідалі. Хай будзе». Значнай устойлівасцю ў «тэксце ластаўкі» валодае матыў *гаворкі на замежнай мове* — менавіта так спевы ластаўкі трактуюцца ў загадках тыпу: «Шыло, шыло, мотовыло, каля нэба ходыло, по-нымэцку гаворыло. — Ластаўка» (ФА; *Пяшкова Іванаўскага р-на*). «Вучоная» не толькі ў плане пабудовы гнёздаў, але і замежных моў ластаўка здольная адначасова карыстацца некалькімі мовамі: «Штавіла-батавіла па-нямецку гаварыла, па-татарску заварачывала...»

У загадках з'яўляецца таксама характэрны матыў нашэння ластаўкай на спіне *крыві* (што звязана з цёмнай афарбоўкай гэтай часткі цела): «Я птушынага роду, так мяне называлі, маю шыла-матавіла, на плячах кроў нашу, а хто не знае маю загадку — адгадаць прашу». Гэты матыў працываецца і ў шырока вядомых павер'ях, што «калі ластаўка праляціт пад каровай, то неважна будзе» (ФА; *Гошчава Івацэвіцкага р-на*), г. зн. у малацэ з'явіцца кроў. Аналагічныя павер'і зафіксаваны і ў дачыненні да ласкі: «Ласочка пэрэбігла, такая птушэчка. Як пуд короваю пролэтыць, пробэжыць, то пара дён пройдэ і всё, абязательно кроў» [2, с. 582]. Ластаўка і ласка ў народных уяўленнях, як заўважыў А. Гура, збліжаюцца і на падставе ўласцівай ім жаночай сімволікі,

і выканання функцыі заступніцтва жыцця, і агульнасці матываў прадзення і ткацтва, пры гэтым іх намінацыі генетычна роднасныя.

Прадстаўлены матэрыял дэманструе, што ў «тэксце ластаўкі» прысутнічае цэлы комплекс матываў, аб'яднаных паняццямі «пераход», «вяртанне часу / паварот(да вясны)», «пачатак», «абнаўленне / аднаўленне», «абуджэнне», «адкрыццё», «развіццё / рост» (нездарма паводзіны ластаўкі асабліва шырока рэфлексіруюцца міфапэтычным мысленнем у зімова-вясновае памежжа). Таксама выразна прадстаўлены ідэі шанавання ластаўкі як чыстай, святой птушкі, яе суаднесенасць з касмічным верхам, небам, станючым полюсам хрысціянскай апазіцыі ў яе народнай інтэрпрэтацыі — Богам, Хрыстом, Маці Божай. Іншая матыўная дамінанта «тэксту ластаўкі» — хтанічны і жаночы пачаткі.

Літаратура

Швед. І. Арніталагічны код беларускай традыцыйнай духоўнай культуры: манаграфія / І. А. Швед. - Брэст : БрДУ, 2019. — 289 с.

Традыцыйная мастацкая культура беларусаў : у 6 т. / В. І. Баско, А. М. Боганева [і інш.] ; ідэя і агул. рэд. Т. Б. Варфаламеевай. — Мінск : Выш. шк., 2008–2009. — Т. 4 : Брэсцкае Палессе : у 2 кн. — Кн. 2. — 863 с.

Работа выполнена в рамках НИР «Повествовательный женский дискурс в контексте фольклорной традиции Брестчины» ГПНИ на 2021–2025 годы «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» (№ госрегистрации 20211451) при финансовой поддержке Министерства образования Республики Беларусь.

Пра каляндарныя святы, вяселле і храмы на Берасцейшчыне

Запісала ў 2017 г. Добыш Аліна Юр'еўна (студэнтка БрДзУ імя А.С. Пушкіна) ад Добыш Ірыны Васільеўны 1972 г.н. і Кадэнскага Сяргея Георгіевіча 1971 г.н. (Чарнаўчыцы Брэсцкага р-на).

На Юр'я ранкам плачуць, у абед згадваюць памерлых, а пасля абеда спяваюць

— *Сергей Георгиевич, а якія у вашай вёсцы былі святы?*

С.Г.: Сёння, 6 мая, на Юр'ев день, все родственники собираются. Как говорят, утром плачут, днём вспоминают, а после обеда поют песни. То есть утром плачут, вспоминая умерших, в обед... Не, утром плачут, в обед вспоминают, а потом, после обеда, уже... ну собирается родня, есць как бы повод собраться родне і повеселітся. Скажам так.

— *А гэты дзень, гэтакія святы даўно адзначаецца?*

С.Г.: Он давно. Он покоен веков! Но в этом году бацюшкі, канешно, отменілі... [пасміхаецца]. Все чернавчички в шоке!

І.В.: То, што в этом году, это ладно...

С.Г.: Но он всегда был.

І.В.: А чаму менавіта 6 мая дзень Святога Юрая?

С.Г.: Этого сказать не могу, потому что сам не ведаю.

Пра Ікону Божай Маці і храм у Вістычах

— *Добра. А што яшчэ асаблівае ёсць?*

І.В.: Может, ікона Божей Матери.

С.Г.: Да. Первый в Бресте... этот самый монастырь. Это монастырь был, і гэты Немцэвічы спонсавалі строіцельство этого монастыря.

І.В.: I вот этот какой-то из Немцэвічей ходил туда і просил чего-то у этой (Выстычскай) іконы Божай Матери. Но эту ікону сейчас не могут найти. Её нету. Ну так, сказали на экскурсии...

С.Г.: Ну відіш, это потому что... Я читал... Подожди.. Значит там было... Фу-ух [узгадвае] Как же там было... В общем, этот монастырь, ілі как он назывался, там какие-то времена наступили, в общем, он разорился і, может, после разделов Польши... Ну что-то такое. І оні [мясцовыя жыхары] все ценности собрали і увезли. Куда увезли — неизвестно. Потом там касцёл был, і опятэ церковь была, потом опятэ што-то касцёл быў... Вот это вот із-за разделов Польши і былі гэты вліянні культуры і рэлігіі і... как бы это всё...

І.В.: Мгм, там православные, там католики.

Пра храм у Чарнаўчыцах

С.Г.: Да, касцёл в Чернавчицах также раньше был церковью.

І.В.: Был церковью?

С.Г.: Мгм, да. Было две цэрквы в Чернавчицах. Даже есть снимки, даже в «Од-

нокласніках» былі... Как на касцёле стаіт лукавіца, дастроена, как купал.

Вяселле, манета ў каравай і звычай яго «палоць»

— Добра, а як у вас рабілі вяселле, можа, ведаеце пра каравай, кветкі-ўпрыгожанні?

С.Г.: Ой ну, дзевушкі, жанціны пелі якіе-то песні народныя (перад вяселлем)... А каравай абавязальна быў трохарусым. Тры яруса... Самая старшая жанціна брала «пятакі» і локтём, іменна, локтём, вдавлівала гэты «пятакі» в цесто, в самы ніжні ярус. І счыталось, што каму дастанецца гэты кусок караваа с манетой, таму как бы будзе шчасце... Но обычна раздаюць (каравай) зверху, шоб молодым попалось. Это прысутствала. Но у нас не было гэтых вот... кветак. У нас проста украшалалось это всё. Естесвенно, там якіе-то цветы былі, каравай упрыгожвалі... Выразалі нейкія кветкі з цеста, шарыкі, кругляшкі нейкія і так далей. Каравай упрыгожваўся веткамі зеляніны, ну такім нечым. І потым палолі, Была праполка караваа.

І.В.: Ой, да, палолі. Канешно, палолі... Я даеце палолі [пасміхаецца]

С.Г.: Маладыя дзевушкі палолі і кідалі на невесту. А вот, уже іменна жанціны, когды пеклі каравай, локцём вталківалі гэты «пятакі» в адін з ярусов...

І.В.: А пальцем нельзя было?

С.Г.: Не знаю почему, но только локцем.

Прадуцывавальная магія пры будаўніцтве хаты

С.Г.: Пры строітстве дома такжэ клалі па рублю на кождый угол. Это тоже было.

Божая кара за разбурэнне капліцы

Што ещэ было... Бабкі расказывалі, што снеслі капліцу — все в деревне умерлі.

І.В.: Но это так... Могло быць, а могло і не быць.

Ачышчальная магія на Чысты чацвер на Страстным тыдні

О тоже помню, што на Чісты чет-верг все дзевушкі, жанціны, бабুলі бегалі утром на речку умывацца... Ну это і всё, может.

Падрыхтава да друку
Іна ШВЕД

Фестываль «Фальклор без межаў» прайшоў у Іванаўскім раёне

У горадзе Іванава і аграгарадку Тышкавічы ў трынаццаты раз адшумела свята — тут прайшоў брэндавы фестываль «Фальклор без межаў».

На мерапрыемства прыехалі калектывы і госці з Расіі, розных абласцей Беларусі. Безумоўна, на ім выступілі і мясцовыя гурты, якія актыўна прапануюць народную творчасць.

— Упершыню фестываль адбыўся ў 2006 годзе. Карані свята — у аграгарадку Тышкавічы Іванаўскага раёна. Яго прапанаваў тагачасны кіраўнік мясцовай гаспадаркі Анатоль Антановіч. Добрую ідэю падхапілі Іванаўскі райвыканкам, раённы аддзел культуры. Супольна прыдумалі трапную назву фестывалю. Упершыню «Фальклор без межаў» сустрэў гасцей спярша ў раённым цэнтры — Іванаве, потым у Тышкавічах — у 2008 годзе. Ад самага пачатку мерапрыемства праводзілася штогод, з 2013-га фестываль ладзіцца раз у два гады. Высокі ўзровень народнай творчасці ў гэты раз прадэманстравалі 15 калектываў. Агульная колькасць удзельнікаў дасягнула 300 чалавек, — адзначыла начальнік аддзела культуры райвыканкама Валянціна Барадзінчык.

Свята доўжылася два дні — 13 і 14 студзеня. У пятніцу розныя мерапрыемствы, у тым ліку адкрыццё фестывалю, прайшлі ў Іванаве. На ім выступілі

і ганаровыя госці з Расіі — заслужаная артыстка Пензенская вобласці Марта Серабракова і міністр культуры гэтай адміністрацыйнай адзінкі Сяргей Бычкоў.

Арганізатары паклапаціліся і склалі праграму такім чынам, каб цікава было для глядачоў розных узроставак катэгорый — дзяцей, падлеткаў, дарослых. Для самай малодшай аўдыторыі акцёры з Брэста і Міра паказалі «Батлейку». Увечары творчыя калектывы з Беларусі і Расіі на плошчы ў цэнтры горада прадэманстравалі «Шчодрыкі на Палессі».

Гульні, варажба, конкурсы, выстава, кірмаш — усё гэта было даступна для знаёмства, удзелу, агляду ў першы фестывальны дзень.

У суботу гасцей віталі самабытныя Тышкавічы. Калядным балем і галаканцэртаў на творчай пляцоўцы завяршылася фальклорнае свята. Там жа адбылося ўзнагароджанне ўдзельнікаў і закрыццё фестывалю.

Наталля КРЫВЕЦКАЯ
Фота аўтара

<https://zarya.by/news/kultura/festyval-falklor-bez-mezha-prajsho-u-ivana-skim-rajone/>

Цуды і казкі будуць жыць!

Калядныя сустрэчы дараць святочны настрой, надзею на дабро, радасць і справядлівасць.

13 лютага 2023 года адчыніў сваі дзверы фестываль у Іванава «Фальклор без межаў», на якім прайшлі калядныя сустрэчы «Батлейка запрашае». Удзел у гэтым вельмі цікавым мерапрыемстве прынялі амаль дзве сотні юных глядачоў з усіх школ горада, а таксама народныя майстры з Прыбужжа.

У пачатку сустрэчы дзед-баюн распавёў малятам гісторыю батлейкі. Класічнае прадстаўленне глядачам прадэманстравалі прадстаўнікі гэтага жанру з.г.п. Мір Карэліцкага раёна. Летась мірская батлейка трапіла ў спіс гісторыка-культурных каштоўнасцяў Рэспублікі Беларусь. Кіраўнік тэатра Канстанцін Петрыман прадставіў вершаваны твор «Дзея Калядна».

Пісьменніца і лялечніца з Брэста Вольга Сандрыкава зладзіла імпрэзы паводле твораў сучасных аўтараў і народных паданняў. Дарэчы, у сваіх казачных пастаноўках, яна вакарастоўвае

элементы інтэрактыву і фэнтазі. Не выключэннем стала і гэтае мерапрыемства. Дзеці з задавальненнем паўдзельнічалі ў спектаклях у якасці батлеечнікаў.

Напрыканцы сустрэчы дзед-баюн чытаў вершы. Вольга Сандрыкава зладзіла сцэнку ў якой хлопчык і дзяўчынка выконвалі ролі зайкі і ваўчка. Дзеці ў гэты момант жылі святам!

Дабратворны дух «Фальклору без межаў» вітаў паўсюль. Старажытны ўзор лялечнай народнай творчасці працягвае развівацца. А значыць будуць цуды і казкі.

ЛІТАРАТУРНАЯ СЯДЗІБА

Александр ВОЛКОВИЧ

Золотой кот

Невыдуманные истории

В своей прошлой жизни кот по кличке «Антихрист» был закоренелым злым-нем-каторжанином и отнюдь не отпрыском породистых предков, как могло бы показаться из-за ядовито рыжей шерсти христопродавца, отливавшей бесстыдным непостоянством, и трудноуловимой червоточкины в надменной осанке, при-сущей скорее заносчивым попрошайкам, нежели галантным принцам крови. Подлец, наверняка, нагло пренебрегал прямыми царскими обязанностями, к примеру, — угнетением безропотных мышей, а в то утро занимался бессмысленным позерством, — но я уверен: его зачинали, как и ему подобным бездомных ублюдков, стылой мартовской ночью в вонючей подворотне под аккомпанемент кошачьего хора, похожего на детский плач, а стонущая, рвущая сырую тьму, восторженно вопящая, изнывающая от сладострастия и боли звериная похоть и плоть, вывернутые наизнанку, проявились хаотичными черными полосами на поджарых, ярко-кирпичных боках и разорванным ухом, болезненно реагирующим на малейший шум. Котятра, скорее всего, и появился на свет клейменым — если не увечной ушной раковиной и вытекшим глазом, то вызывающим, цвета червонного золота, «пожарным» окрасом.

— Брысь, чучело-мяучело! — шуганул я, было, Антихриста, опасно шествующего, аки канатоходец, по кромке штакетника.

Ему ничего не стоило, вняв строгому окрику, прыгнуть вниз. Он мог бы, ничем не рискуя, хотя бы ради приличия бросить мимолетный взгляд в сторону

благодарных зрителей, наблюдавших импровизированный цирковой номер из ложи почетных гостей. Но котятра даже ущербным ухом не повел на великовозрастного внука, вздумавшего распоряжаться в бабкином дворе. Позер прекрасно знал, кто в доме настоящий хозяин, — совсем уж не облысевший приезжий дяденька, подобострастно заглядывающий в глаза сердобольной старушки, жившей в этом дворе постоянно и неотлучно. И у нее — был уверен бродяга — всегда удавалось разжиться блюдечком пастеризованного молока и до слез умилишь подслеповатую бабулю каким-нибудь дешевеньким кордебалетом, типа жалобного мяуканья под дверью в ненастную пору, либо демонстрацией полуживого мышонка, воровским образом добытого из соседской мышеловки и предъявленного доверчивой хозяйке в доказательство бескорыстной и непорочной кошачьей службы.

В такие минуты добрячка расплывалась в беззубой улыбке, предшествующей чувствительному отпущению грехов и дарению, и дребезжащим старческим голосом произносила: «Дабытчык! Работнічак!»

— Всяко — не батрак! — удовлетворенно думал, наверное, хитрюга и благосклонно лакал дармовое молоко. И даже позволял гладить себя по жесткой на вид, как жесьть, но мягкой на ощупь золотой шерстке.

— Навошта табе кот?! Не чапай! — назидательно изрекла бабуля, обращаясь к внуку, занявшему почетное гостевое место в «ложе» — на завалинке скромной поселковой хаты.

— Рыжая тварь! Одноглазый корсар! — непримиримо заявил я.

— Які яшчэ касар? А, можа, двор скасіць здоліш, унучак? Бач, як бадылем зарасло...

— Наверное, смогу. Коса-то есть?

— Не. Толькі серп. Але ты сярпом не зможаш. Пальцы сабе адрэжаш. Касой таксама — лоўкасць патрэбна. Не, не чапай. І ката майго не руш. Чым рыжэй, тым даражэй...

В подтверждение бабкиных слов Антихрист продемонстрировал изящный соскок с приземлением на четыре лапы сразу и небрежным полупоклоном — почему то в противоположную зрителям сторону.

Ярко-оранжевый хвост при этом бесстыдник держал вверх трубой, уничижительно стрельнув интимным отверстием в сторону глядевших.

На меня будто глянул черный ствол пистолета.

Я запустил в наглеца камнем.

Вальяжно, без ускорения, архаровец удалился за угол.

Разыскивать бабкин серп и наводить порядки в запущенном дворе почему-то расхотелось, хотя в чулан я направил стопы, осмотрелся. В лицо дохнуло полузабытым запахом детства, и давнишняя считалка вынырнула из недр памяти: «На золотом крыльце сидели: царь, царевич, король, королевич, сапожник, портной...»

Чулан, или камора — заветное место надежных «хованок» дворовой детворы.

Рассохшаяся кадушка, стянутая лозовым обручем взамен железного; горка поношенной обуви в деревянной емкости, в ней когда-то прела квашеная капуста и томились соленые огурцы; на земляном полу — выбеленные соляным раствором булыжники-гнётёты из той же кадушки; поржавевшее жестяное корыто и ведра без дужек и донышек — бабуля

накрывала ими саженцы помидоров на подзаборных грядках; лопата и грабли в углу. За бочонком — узкий лаз, ведущий в подполье под домом с выходом на кухне. Там, в сыром подzemелье, хранили картошку и ставили на полочках банки с соленьями-вареньями. Сколько раз, бывало, мы с соседской ребятней прятались здесь от «водящего» с верным расчетом вовремя «застучаться» на «золотом крыльце». В лаз проникать было довольно опасно, можно застрять, но мы, малышня, руководствовались незыблемым правилом: «Если в дыру пролезла голова, то тело — протиснется». Зато Манька — тут, Маньки — нет: пользуясь соединительным лазом между чуланом и погребом, можно было неожиданно выскочить из укрытия и успеть добежать до крыльца, прежде чем тебя «запятнают».

— Баб! Расскажи, как Соньку Гринблат в подвале прятали! Расскажи еще, что тебе стоит?!

Бабушка сердится на меня за кота, а любое недовольство старушка выражает своеобразно — пропускает мимо ушей вопросы и просьбы, притворяясь глухой.

Имя Сонечки Гринблат, как и ожидалось, заставляет ее оживиться. Выцветшие, когда-то василькового цвета глаза влажнеют, наполняются плотной голубизной. Еще мгновение — и уже цветут поздние незабудки на темном от загара поле старческого лица. Набрякшие, синего цвета прожилки на полных дряблых руках тоже как бы взбухают. Вот-вот и скорая слезинка скатится на заскорузлую борозду глубокой морщины.

— Сонечка, дзіцятка мае... — скорее угадываю по бабушкиным губам, чем слышу.

«Сонечка, сонейка» — в переводе с белорусского означает «солнышко». Попробуй оспорить! Стоит ли омрачать ясную погоду бабкиного настроения не-

веселыми воспоминаниями? И без того хорошо знаю, кто такая Сонечка и что с ней случилось в ту далекую пору, когда меня еще не существовало даже в проекте, а баба Настя, мать моей будущей матери, по ее же рассказам, была щупленькой поселковой веселушкой-хохотушкой, по которой сохли бравые парни во всей округе. И про войну знаю, хоть помнить не могу. И про фашистскую оккупацию местечка по названию Осмоловичи тоже мне ведомо. А если сильно уж поднапрячься, то могу живо представить бабушкиных довоенных соседей за стенкой — горбоносого, плюгавенького часовщика-ювелира Тому Гринблата и его белотелую женушку Сару-Рахиль, сокращенно Сайроху, с черноокой дочуркой Соней. Не в матушку пошла пигалица-дочь, не в коня корм, как говорится... Но черты лица, судя по фотографии! Но глазища!!! Вылитая Руфь...

Как вспоминала бабушка, жила белорусская семья с соседями-евреями дружно, делили общий двор, а входы в дом были порознь, отдельные. Крылечко Гринблатов вместе с пристройкой примыкало к общему жилищу с торца.

«Стары Грынблат усе з механізмамі шорпаўся, часы рамантаваў і прыму-сы разпальваў, аднойчы ледзь хату не спаліў, розныя бранзулеткі вырабляў, залатая пярэсценкі, ланцужкі, — вспоминала, бывало, бабушка. — Самі яны жылі бедна. Бо не свое золата мелі, а на замову дарагія рэчы майстар вырабляў. Дарэчы, усіх яўрэяў з мястэчка немцы з паліца-ямі у сорок другім годзе паграбавалі... Піню Фельдмана, кавалю, забілі. Сямью ветрынара на дохтара Эскіна кудысьці увязлі на забой. Ешку Левіна з сельсавета дык адразу на слупу павесілі. Не было ў людзей выйсця... Нават над дзяццямі не змілаваліся каты...»

Для тех, кто не знает белорусский язык, во избежание недоразумения, по-

ясню: слово «кат» означает, в переводе на русский, «палач», и во множественном числе произносится с ударением на первый слог — «кАты»... А с ударением на втором слоге и тоже во множественном — это обычные усатые и хвостатые коты. О некоторых из них, необычных, я продолжаю рассказ...

Сколько я себя помню, в бабушкином доме на этажерке всегда стояла гипсовая копилка в виде толстого, полого внутри кота с отбитым ухом, нарисованными голубыми глазами и такими же пышными усами вразброс: кот загадочно прищурился, якобы намекая на свое драгоценное содержимое. Но много ли могло там скопиться? Известное дело — мелочь. Бумажные деньги, насколько я знаю, в копилку не засовывали — они там зати-рались.

И сейчас, если безделушку потрясти, внутри задребезжит несколько медных и никелевых монеток советской чеканки, гулко громохочет ключик от чулана. Замок на дощатых дверях в камору давно пришел в негодность, им никто не пользуется, а ключ бабуля хранит в копилке. Как будто когда-нибудь пригодится. Но кто знает, для чего мы храним ненужные, вышедшие из употребления вещицы?! Может быть, не такие уж они бесполезные? И разве можно выбрасывать старые ключи, если даже они — от заброшенных чуланов?!

Вот и мне мимолетное воспоминание приоткрыло дверь в далекое прошлое, и начинается оно со мной опасно заигрывать, приглашая для затравки поиграть в безобидные прятки. Да и со мною ли это происходило?

— Мадама Сайроха! Где вы сохните белье?

— В духовке на веровке, чтоб не стилили воронки!

— А почему у вашей Соньки холодная задница?

— Зараз куплю на толкучке брикета и буду греть Сонькину задницу!

Наверное, таким образом соседские сорванцы задирали нервную, впечатлительную, и, тем не менее, бойкую на язычок, картавую еврейскую Сару-Рахиль, между прочим тайно и поголовно влюбляясь в загадочную библейскую красоту обеих — и дочери, и матери ...

Далее происходило примерно следующее. Кто-нибудь из пацанов посмелее барабанил костяшками пальцев в дверной косяк бабьих соседей — еврейской семьи беженцев из-под Белостока, появившихся в местечке в 39-м, накануне войны — и громко произносил:

— Туки-туки!

«Мадама» Сайроха — по натуре такая же озорница, как и дети — тотчас же включалась в игру и строго спрашивала из-за двери:

— Кто там?

— Мы сами! — заверяла малышня, имитируя голосом еврейскую интонацию.

— Сколько вас? — требовательно вопрошала хозяйка.

— Мы — раз! — хором кричали восторженные лоботрясы

Соседка возникала в дверном проеме — в цветастом «городском» халате, с бумажными папильотками в коротко подстриженных волосах — и вручала каждому по гривеннику, вроде бы как нищим попрошайкам.

Дети дружно несли «подавание» на свою половину и опускали монетки в копилку.

Гипсовый кот одобрительно ухмылялся. Он, безусловно, выражал удовлетворение пополнению детской компании — копеечному и в образе робкой Сонечки, вызволенной нехитрыми уловками из-под опеки строгих родителей.

Сонечка новых дружков научила считалке на своем тарабарском языке:

«Эне, бэне, ряба, квинтер, винтер, жаба, эне, бэне, клец, вышел пузатый матроц»

И еще: «Эники-бэники ели вареники. Эники-бэники клец...»

Заканчивалась вторая считалка тем же пузатым «матроцом», ему выпадало «жмурить»...

Ставшими расхожими считалками пользовалось не одно поколение нашего двора. Наверное. Откуда ж тогда мне, молодому уже, знать и помнить их?

— Знайшоу? — вырывает из задумчивого оцепенения бабушкин голос, нарочито требовательный, знать, старушка добрее.

— Чаго корпаеся? Толькі за смерцю цябе пасылаць, лайдака...

Посланный за серпом, а совсем не туда, куда предположила баба Настя, с облегчением перевел дух: хорошо хоть про самокритичного «мудака» старушка не поняла, неслышно оказавшись за спиной. Зарифмовалось бы с лайдаком тю-телька в тю-тельку... А какой же я лентяй? Приехал, суетюсь...

Еще по дороге в поселок детства, в полупустом буднем автобусе, охватила меня странная туга, похожая на радикулитную ломоту в костях: и не сиделось на обшарпанном неудобном сиденье, и мысли разные толклись в черепушке одна другой причудливей, провоцируя нетерпеливое ожидание. Только чего? По приезде наглый рыжий кот под руку подвернулся, прости меня, Господи! Живая тварь, в конце концов! Невиноватая. Иш, зеньки бесстыжие тарашит: осуждает... А я что? Я ничего. Не изверг ведь бессердечный бессловесную зверюшку понапрасну третировать. Однако, хоть убей, не успокоюсь, пока давнишнюю мыслишку не додумаю, бабку окончательно не выпытаю.

...Вжиг, вжик — издает смачные звуки острая, насеченная мелкими зубчи-

ками сталі серпа. Обреченно валяцца на бок, нікнуць плотныя зарослі, успеваю агрызнуцца ў адместку. Мои ладони и кисти покрываются красными пятнами. Жжет и чешется. Говорят — полезно. А бабкіным голым па локоть рукам жгучая крапіва і іглы осота ніпочем. Показала, як жнут, — мне в охотку. Бабушке назіраць в радасць: внук не лайдачыць прыехаў, а, сапраўды, дапамагае.

Теперь и расспрашивать можно.

...Сонечку держали подальше от греха и чужих глаз, в подвале. От продолжительного сидения в полутьме она поблекла, как без света картофельный росток. Простудилась от сырости и часто, надсадно кашляла. Хронический кашель девочки, прятанной от карателей в погреб, мог выдать ее преследователям в любой момент. Как только к дому направлялись полицаи, моя мать, на то время — ненамного старше Сонечки, ныряла в погреб, сгребала в охапку младшую подружку и ложилась с ней в обнимку в картофельный отсек. Сверху девочек накрывали мешковиной, насыпали картошку и забрасывали разным хламом. В таком положении, ничком, в крошечной тьме несчастные пережидали визит непрошенных гостей. Кашель заглушали «поцелуи» взад-вперед. Как это? Очень просто. Рот — в рот, а дышать через нос. Задохнуться от нехватки воздуха, давиться чужой и собственной слюной, обливаясь холодным липким потом, но — молчок, терпение... Двадцать минут, полчаса, час... Сколько потребуется. Пока полицаи не уберутся прочь, предварительно обшарив все закоулки, заглянув в сени, на чердак, подсветив себе керосиновой лампой в подполье и в чулане...

— Ведаю! Схавалі жыдовачку! Дзе схаранілі?! — допытывался Федька-полицай.

— Няма, уцекла... Збегла... Вось табе крыж! — крестилась бабушка Настя.

Федька не мог взять в толк, куда могла испариться девочка в тот час, когда забирали семью Гринблатов: шмыгнула в соседский коридор — только ее и видели...

Про потайной вентиляционный лаз в чулане никто из посторонних не знал. Но и когда обнаружили дыру, никто не смог предположить, что туда в состоянии пролезть десятилетний ребенок...

А запикивали девочку в люк в перед головой... Ногами и руками сзади проталкивали, трамбовали, чтоб втиснулась, поползла... Раздумывать было некогда, решали секунды. Так она спаслась от верной гибели: родителей Сонечки в тот памятный день расстреляли во рву неподалеку от железнодорожной станции. Товарняки для отправки в Трелинку вовремя не подошли, несколько сотен евреев, согнанных из окрестных сел и местечек, фашисты пустили в расход...

Люди помнят: истощенный человеческий вопль, похожий на сумасшедший кошачий ор, долго не затихал. Но автоматные очереди продолжали настойчиво допытываться:

— Туки-туки, туки-туки! Кто там? Сколько вас?

И не нашлось никого среди вваливающихся лежащих в окровавленном рву, чтобы ответить:

— Мы — ни раз...

Потом Сонечку берегли от чужих, как могли. После очередной безрезультатной облавы, Лида и Сонечка вылезали на свет Божий. Долго отлеживались на полу, как две обессиленные, мокрые мышки, и не могли отдышаться... Обоим давил нервный кашель... Находиться в темноте в одиночестве Сонечка не могла — заплачет, закричит... Вдвоем надежнее и не так страшно. А за компанию, говорили в местечке, и жид повесился...

После того, как район освободили от фашистов, еврейскую девочку отыскивали

и забрали какие-то дальние родственники. К тому времени ее верная подружка Лида (моя будущая мать) уже томила в фашистской неволе...

Спасительный чулан, спустя много лет, чудесным образом о себе напомнил. Вот уж было удивления и радости, когда одним прекрасным днем заявила в поселок дородная тетя на блестящей импортной машине, отворила калитку нашего двора — и немевшая от неожиданности, потерявшая голос и, казалось, разум, Борисовна признала в нарядной гостье ту самую «подпольную» Сонечку, прибывшую в поселок детства из далекой страны Израиль! Как гостья тискалась, целовала старушку! Как дамочка плакала, прижимая к груди аляповатую статуэтку гипсового кота, узнав ее, вспомнив...

Всему этому я был свидетелем. Жили мы тогда вместе с матерью в бабкиной хате, мой отец находился в какой-то продолжительной командировке.

Помню каких-то важных чужих людей из района: приезжали на служебной машине, историю Соничкиного спасения у бабушки и моей матери подробно расспрашивали, их обеих, хату, чулан и лаз фотографировали. Потом объявили: за спасение во время оккупации еврейского ребенка нашу бабушку наградят почетным дипломом. Вроде бы — от имени правительства Израиля.

А зачем нам были дипломы? Мы и без них знали бабулю прекрасно: вечная колхозная стахановка! Грамотами и дипломами за ударный труд стены можно обклеивать. Теперь к бабкіным почетным наградам, похоже, добавлялось еще одно звание — Праведник Мира... Это, как Мать Тереза, что ли?

— Прэмію прасі, дура старая! — начал Борисовну ушлый сосед. — Навошта табе папера? Печ распальваць?

— Я зараз цябе ухватам папрашу! — вскипала бабуля, не в состоянии сми-

ряться с абсурдной мыслью — потребовать награду за спасенную детскую жизнь. Не иначе, как из ума выжил одинокий старик. И дети к нему не едут, и внуков в летнем дворе не слышать... Совсем очерствел телом и душой, неприкаженный...

«Сонька-сонечка! Як табе живеца-можаца на чужбіне?!» — мысленно отправляла баба Настя трогательные письма в Израиль, смутно представляя, где такая страна находится.

— Якая чужбіна?! — не унимался злобный сосед, будто подслушав бабкины мысли. — Ім, жыдам, у любым мейсце надрэнна, а радзіма — дзе цёпла і грошы...

— Брэшаш, блудлівы пёс, і лаянка твая — хлусня! — негодовала Борисовна, и долгое время с соседом не разговаривала. До новой перебранки. Старость, как все мы знаем, бывает на удивление неуживчивой.

Диплом за Соньку бабушке так и не прислали, что-то там у них, начальников, не срослось... Со временем обо всем этом забыли. Наша семья переехала в районный центр, бабушка осталась вековать в собственной хате. Переезжать в город наотрез отказалась.

— Мы тут разам з катом застанемся, — говорила она.

Рыжего прилуду баба пригрела взамен серенькой аккуратной кошечки, умершей от старости. Ласковая была кошка, не пример одноглазому уроду. И что Борисовна в нем нашла? Маячит перед глазами, как стоп-сигнал... Но бабушке с ним спокойней. И не так одиноко.

— Ты мне вот что скажи, бабуля! Коты улыбаться могут? — выдаю нагора неожиданную сентенцию в надежде Борисовну огоршить, а своему спонтанному неудовольствию найти оправдание. Уж больно меня кошачье присутствие нынче доканивает...

Вопреки ожиданию, реакция Борисовны на, казалось бы, дурацкий вопрос серьезная.

— А як жа! — без раздумий отвечает она. — Сама бачыла.

— Да я не про твоего Антихриста спрашиваю! Он старенький, потрепанный, а не тужит. Живет, как у Христа за пазухой...

— Дык і я не пра яго!

Начинаю нести околесицу об условных и безусловных рефлексах у животных, талдычу про теорию физиолога Павлова...

— Ну, дык слухай, цяцера! — прерывает меня старушка лаконичным белорусским «дыком»...

Под дых, не иначе. Правда, сделикатничала: к тетере-индюку не добавила обязательное в таких случаях определение «глупый»...

Сказки рассказывать — что судьбу предсказывать: мели Емеля — твоя неделя. Но только бабкой поведенная история взяла за шкурку мою самонадеянную душонку и будто шелудивого кота в жгучие крапивные заросли зашвырнула да еще пинком для острастки сопровождала. И оказалась душа, чувствительная к уколам, будто голенькая, и не знает, с какого боку ужалат, ущипнут да обожгут.

А заросли неприступные, темные-темные, а ночи длинные и холодные, а люди вокруг ходят напуганные, злые и подозрительные. Нишкни и бойся.

...Пронзительный вопль зайчонка-подранка, похожий на полуночный детский крик...

Испуганный материнский возглас, перешедший в отчаянный плач навзрыд:

— Мішка! Вар'ят! 3 глузду зехаў?! Малое ж глядзіць!

И стреноженный происшествием сенокосный полдень, и растерянный, злой отец, обтирающий рукавом белой рубахи мокрое лезвие литовки... И кровь запо-

лошного, затаившегося в траве зайчонка, подрезанного неосторожным косцом...

Красные капли росы на желто-зеленом разнотравье... Запятнанные алым, синие васильки с незабудками, обнявшись, горько никнут...

И жесткая бабкина ладонь, проворно закрывшая глаза пятилетнему малышу, — рука, оказавшаяся в ту секунду удивительно мягкой и теплой...

Нельзя ему на такое смотреть...

А когда вырастет — можно?!

Радость на всхлипе, как Спас на крови, а иначе у нас не бывает, но должно ли не быть?!

Серенький, обезноженный, окровавленный заяц часто являлся ко мне во сне... Я горько плакал, просыпался, прижимался к разбуженной, обеспокоенной матери. Страшные видения улетучивались, ужас испарялся, я успокаивался. Злой сон с годами появлялся реже и реже. Но даже по прошествии многих лет, будучи взрослым, я частенько возвращался мыслями к давнишнему детскому эпизоду, к мучившему меня вопросу. Мог ли зайчонок спастись тогда, на сенокосе? Наверяд ли... Он был обречен. И если бы даже не угодил под литовку моего отца, то его б, незамеченного, посекли бы острые косы других работников, шедших густой чередой, размеренными взмахами, неотвратимым валом надвигаясь на лежанку ушастого... Но, случись, задержалась б коса? Мог ведь зайчонок проснуться и задать стрекача?

«Все может быть, но всего быть не может», — успокаиваю я себя дурацкой формулировкой, до самых пяток чувствуя ее несостоятельность и абсурдность. А чаще всего запиваю душевное неудовлетворение холодной водой удобной формулы, такой же куцей, как и предыдущая: чему быть — того не миновать.

...Надежда отсидеться в безопасности таяла с такой же неотвратимостью, как

срывалась желтая капля с кончика носа щедудушного Тома Гринблата. Висит-висит, кажется приклеенной жидкая слива, а вдруг бац — и на жилетку.

— Ви знаете, мадам Настя, совершенно пропало желание работать! — делился словоохотливый еврей с сердобольной соседкой, заглянувшей на огонек. — Буквально все идет насмарку! Они считают, у рэба Гринблата золотые руки, это верно, можете поехать в Белосток, в Варшаву, спросите, знают ли ювелира Гринблата на Маршалковской, еще бы не знали, но этим золотым рукам не с чем сегодня работать! Не могу ж я высасывать матерьял з пальца! Нужен исходный продукт, золотой лом, но нет керосина и соли. За мешок муки или картошки требуют пэрстень. У Гринблата ни муки, ни картошки, но у него нет и пэрстня. Ничего нет. Кому нужны украшения? На войне не нужны кольца и брошки, поэтому их снимают даже з мертвых. У мадам осталась картошка в подвале? Поделись? Не знаю, как вас благодарить! Сара, пэрэлко (жемчужина — польск.) мое! Почему не приглашаешь мадам Настю в апартаменты? Соня! Тащи табурэтку для мадам! Сегодня у нас на ужин будет жарэная селедка з картошкой! Прэндзэй (быстрее — польск.)! Ви что, не видите, сколько у вашего отца делов?!

Настя решительно отказывается присесть на крепко сбитую табуретку, ее же мужем Илларионом сработанную еще до войны, осторожно прикрывает за собой дверь соседской пристройки. Помнится, заканчивал хозяин строение второпях, принимая на жительство еврейскую семью, прибывшую в Осмоловичи по разнарядке. Верхние венцы стен клали сырыми бревнами, слегка ошкулив. Пол положили по-черному. Илларион успел еще раньше печку сложить, не настоящую, русскую, а так себе — наполовину плитку, наполовину грубку. Пристройка

и планировалась как летняя кухня. Новоселам места хватило. Не апартаменты, но жить можно. Но страшно — война, оккупация.

Да, дел у старика не слишком чтоб очень, думает женщина, прибираясь по хозяйству. Охота еврейчику безвылазно сидеть в своей каморе? Наверное, чтоб занять пустяшным занятием беспокойные руки мастера. О них не скажешь, что способны «незграбные» заскоружные пальцы на деликатную ювелирную работу. Но другой нет. Когда никогда ветхая старуха с дальнего конца местечка принесет в починку прохудившееся корыто или ведро с такой же закопченной кастрюлей с согнутыми ручками. Керосиновый примус по необходимости кто-нибудь притарабанит... Железную печку, востребованную военной нуждой. Дырявая, закопченная, изношенная действительность оккупации...

Заказчица держит под фартуком тощий кусочек сала — плата мастеру за работу. Реже приносят пару-другую яиц, иногда бутылку вонючей самогонки-бурячкови. Сахар стоит на местечковой толкучке большие деньги. А за солью бабы с детишками ходят на станцию — раскапывать пепелища сгоревших складов. Французы, охранявшие станцию, копателей лениво прогоняют.

— Сарочка, пэрэлко мое! Сонька! Куда запропастилась канифоль? — доносится во двор голос Тома.

— Как она выглядит?

— Как янтарь! Помнишь бусы — подарок тети Хайи на свадьбу? Тащите бусы! Их уже почти не осталось... Кто бы мог до войны подумать, что придется пасть кастрюли янтарем!

Люди лишний раз из дому бояться выходить. Только пацаны да полицаи беспрепятственно по улицам шастают, каждый при своем интересе. Ребяшня — понятное дело: малые, глупые, у них

в заднем месте детство играет, ничего не боятся. А полицейские морды нынче при власти — выслуживаются. Станется еще христопродавцам, зачтется... В первую очередь — ироду-Федьке. Он в немецкой комендатуре каким-то помощником числится, в поселке состоит за главного. Шишка на ровном месте... Пока не слишком злобствует, но ничего хорошего от бывшего уголовника ждать не приходится.

Ближе к вечеру в Настину хату сорока на хвосте вести принесла. Это подружка по прозвищу Сорочиха пошептаться заглянула. Новостей — как блох.

«Цягнікі праз старцыю так і пручы! Гарматы вязуць, танкі. Усё пад брызэн-там. А варта — з куляметамі. Божанькі! Калі ж гэта скончыцца?!»

«У школьным будынку нямецкі батальён размешчан. Людзі казалі — з Францыі. Салдацікі чорненькія, вяртлявыя — на цыган паходзяць. «Мэрсі», «мадам» да жанчын звяртаюцца. Нікога не чапаюць. Але ўсіх галубоў на гарышчы перадушылі, юшку вараць. З Клімавічаў сваяк прыязджаў, казаў: тыя французы мінулай зімой у местэчку багата кошак знішчылі — панчохі са шкур выраблялі, бо надта мерзлі. У нас будуць чыгунку ахоўваць. Партызан баяцца».

«Чула: у Асмолавічах яўрэйскае гета зробіць. Такое ж, як у районе — з забораў, варотамі. Усіх жыдаўлят у адным мэйсце трымаць прыказана, каб не разбегліся. Кожнаму зорку на карак павешаць. Тваіх пастаяльцаў, напэўна, таксама забяруць... Можна б уцеклі кудысьці? Але куды?! Глядзі, каб праз ніх у цябе бяды не было! Шыбініцу на плошчы бачыла? Ведаеш, што на шыльдачцы ў нябошчыка на грудзях напісана? — «Ён дапамагаў партызанам і жыдам» Людзі даведаліся, гэта Міцька-брыгадзір з Лазовіц там вясіць... Вось як... »

Никудышные вести, худые. Как дырявая посуда: и выбросить жалко, и пользы почти никакой.

До поздней ночи теплится керосиновая копилка в рабочем закутке старого Тома, золотых дел мастера, известного своим ремеслом даже на улице Маршалковской в польском городе Варшаве. Что от той Варшавы нынче осталось? Развалины. Пепелища.

Пепел. Кругом пепел. И страх.

Колеблется голубой огонек пыхтящего примуса. Тугое пламя под конфоркой отзывается ровным гудением. Золотой лом, тщательно подсчитанный и взвешенный мастером, сложен в закопченную емкость, похожую на «турку» для заварки кофе, но только объемнее и с крышкой для герметичности, и млеет в ожидании плавки.

Температура в самодельном тигле должна достигать свыше тысячи градусов, иначе шихта — золотой лом, не расплавится.

Обручальные колечки, перстеньки с предварительно удаленными камешками, монеты и монетки царской чеканки, цепочки, корпуса часов, оправы брошек и кулонов, зубные коронки — все это богатство тайно собрано евреями местечка и со всеми предосторожностями передано рэбу Гринблату с надеждой на чудо, которое должно-таки произойти.

Форма для литья уже готова. О! Вы представить себе не можете, сколько сил, сообразительности и мастерства потребовалось ювелиру, чтобы буквально на ровном месте, в ужасных кустарных условиях, из ничего придумать, рассчитать и осуществить задуманное! Ведь отлить золотую статуэтку, как говорится, по памяти — в дровяном сарае на «керосинке» из наспех собранных «бранзулетов» — это подвиг, достойный свершений Соломона.

Гордость переполняет Тому Гринблата, как тучного гусака нагулянный за лето жир. Тома Гринблат знает, что надо сделать. Он вынесет на себе сей тяжкий крест...

Даже местечковый раввин Мендл Альперович одобрил идею, высказанную на «тайной вечере» скромным ювелиром в присутствии не менее уважаемых оппонентов, собравшихся для обсуждения важнейшего вопроса — как евреям Осмоловичей спастись от уничтожения?

— Откупиться! Но как? Еврейское население уже начали сгонять в гетто, вот-вот ворота окончательно захлопнутся и люди окажутся в мышеловке. Но у каждого имеется что-либо ценное в значке: ювелирные украшения, золотишко. Прятали на черный день, на самую безвыходную нужду. И вот эта смертельная нужда буквально схватила за горло. Вот-вот и удавка затянется...

Сколько нужно ценностей собрать? Как определить размер выкупа: поголовно с каждой еврейской семьи или как? Кому предлагать выкуп? Охране гетто? Тупым и жадным полицаям из местных? Бургомистру местечка? Кому-нибудь из офицеров полиции безопасности?

Конечно, самый главный в еврейском вопросе — шеф полиции безопасности и СД местечка Осмоловичи (и всей Могилевской области) штурмбанфюрер СС Манфред Штраух. Большой человек. От мановения его холеного пальца зависит, кого заграбастают изверги из зондеркоманды, кому суждено жить либо не жить. Но у большого начальника наверняка есть маленькие слабости, невидимые для простых смертных струнки души, и если их затронуть, нажать, зацепить, то надежда на спасение может оказаться вполне реальной. Ну что стоит шефу полиции отпустить на все четыре стороны какую-то сотню бедных иудейских душ! Конечно же, не безвозмездно.

Благодарные евреи щедро заплатят за свои никчемные жизни, причем готовы внести достойную большого начальника плату.

— И это будет вовсе не плата, Всевышний — свидетель, а подарок, презент во славу немецкого оружия и победоносной армии великого Гитлера, покоровших весь мир. Да, да, господин бургомистр, весь мир — от Скандинавии до Египетских пирамид, и это известно нынче даже самому зачуханному еврейскому ребенку из местечка Осмоловичи, не говоря уже о населении Польши, Чехословакии, Югославии, Франции, Бельгии, Голландии, Норвегии, и всей остальной Европы...

... Голос раввина Мендла Альперовича от волнения дрожит. Бургомистр местечка старик Шимански, задумчиво трет весок. Да, он неплохо знает штурмбанфюрера фон Штрауха — верный солдат рейха, человек высокой арийской культуры. Служил в Египте в корпусе Роммеля. Нынче вот на Восточном фронте. Знаток древнеегипетской культуры. Собиратель древностей. Личная коллекция артефактов, говорят, — одна из самых престижных в Германии. Правда, ему, бургомистру, видеть не доводилось, древности хранятся в Берлине, но как же, наслышан...

— Так что там конкретно еврейская община предлагает в качестве... гм, ... гарантии своей безопасности?

— Статуэтку египетского сфинкса. Из чистого золота. Килограмма на два-три... Изделие почти готово, есть у нас тут умельцы... Надеемся, господина начальника полиции заинтересует. Вот только не знаем, через кого передать. Всемерно рассчитываем, что уважаемый господин бургомистр возьмет за себя эту миссию. Обузу, так сказать...

Бургомистр колеблется. У бургомистра есть резон выслужиться перед все-

могущим шефом полиции безопасно-сти, но палка-то о двух концах: а вдруг его, ходатая, заподозрят в симпатии к евреям? И в то же время золотая вещица, сработанная под египетскую стари-ну, без сомнения, придется собирателю древностей фон Штрауху по душе. Долж-на прийти. К тому же — несколько ки-лограммов чистого золота на дороге не валяются... В военное-то время...

...Никто не знает, где и как происходила передача «презента» начальнику полиции безопасности фон Штрауху, и кто именно из приближенных или доверенных лиц вручил ему золотую статуэтку, отлитую ювелиром Томой Гринблатом. Последовавшая реакция по своим последствиям оказалось ужасной. Обычно уравновешенный и внешне невозмутимый, лощеный штурмбанфюрер был буквально взбешен еврейским подарком.

Ювелира, отважившегося на неслыханную дерзость в отношении немецких властей и лично шефа полиции безопасности, схватили в тот же день... Наверное, ему можно было спрятаться и как-то попытаться спасти себя и семью, но Гринблат не тронулся с места. Когда его забирали, он с отрешенным видом продолжал улыбаться...

Так же загадочно ухмылялся изготовленный ювелиром золотой сфинкс, «Отец ужаса», как окрестили египетскую статую, охранявшую царство мертвых фараонов, средневековые арабы. Уменьшенной в сотни раз копии знаменитого безносого льва — Большого Сфинкса с лицом фараона Хеврена, лежащего на берегу Нила в Гизе перед погребальной пирамидой кровожадного египетского владетеля, ювелир приделал голову... настоящего кота с короткой щепоткой усов... Как у Гитлера. Кот-Сфинкс злорадно лыбылся... Остатется лишь догадываться, как воспринял этот из-

девательский намек тонкий ценитель античности в лице шефа германской полиции! Несчастный еврейский ювелир, находясь на краю гибели, смачно плюнул своим подарком-выкупом в надменную фашистскую рожу...

Сомнительно, что кто-либо из числа еврейского населения близлежащей округи уцелел после этого вообще — облавы в местечке и окрестных селах последовали одна за другой. Расстрелы, расстрелы. Виселицы для укрывателей и сочувствующих.

Чудом избежала расправы лишь юная Сонечка Гринблат — благодаря находчивости соседских детей и потайному лазу в повале бабкиной хаты.

— Нейкі антыхрыст! Целам падобны на льва, што намалюваны на паштоўцы, можа, бачыў, — каля пірамід ягіпецкіх сядзіць... А галавою — сапраўдны кот! Жахлівы... — так апісала баба Настя статуэтку, отлітую евреям Гринблатом.

— А что дальше было?

Борисовна свои глаза-василёчки, казалось бы, до донца выплакала, горюя по несчастным соседям. Забрали и расстреляли их 14 октября, аккуратно на зимний Покров. А на Покрова, говорят, девка готова.

На следующие Покрова пришли за дочкой...

Сонечка, дежурившая у окошка, стремглав шмыгнула в подполье, под мешковиной в бульбяной яме притаилась, как мышка. А Лидка, замешкавшись, в хате осталась, поправляя полосатый самотканый половичок, которым прикрывали крышку лаза.

Еще девка догадалась ведро с теплой водой сверху поставить. Стала вареные картофельные очистки туда крошить. Пойло теленку на горсти толокна замешивать.

Младшие, Петька с Толькой, с печи за происходящим наблюдали.

— Збирайся! Пойдзеш з нами! — приказал девушке Федька-полицай.

— Чаго яшчэ? — вскинулася Настя.

— А ты, цётка, цыц! Будзеш ведаць, як жыдоў хаваць!

— Якіх жыдоў?! Дзе ты іх, ірад, бачыў?!

— Чыя бы карова мычала, а твая лепей маўчала! Мудрыя знайшліся! Мне на мякіне не правядзеш. Тваёй Лідке за хламства адпавядаць! На работу пaeдзе. У Германію.

... Я ожесточенно трясу перевернутого вниз головой гипсового кота до тех пор, пока из щели в макушке не выпадает медный пятак. Монета катится по растрескавшимся доскам, невзначай останавливается, замерев на ребре. Какое-то мгновение пятак стоит неподвижно, затем валится на бок. И не ту ли напомнил он золотую царскую монету, которой никогда не суждено было остаться стоймя — она вынуждена была лечь «решкой» или «орлом» вверх... Как и бывает в жизни и в смерти, когда третьего не дано...

Золотая монета царской чеканки хранилась в доме с давних пор. Принес ее с Первой германской войны дед Илларион. Берегли на черный день — и Настя отдала ее ювелиру...

Надеялась — поможет соседям спастись... Наверное, и пожалела впоследствии не раз, потому что многие из сельчан откупались от отправки в Германию, чем только могли, и золотая монета могла пригодиться, чтобы выкупить Лидку...

Из фашистской неволи моя мать смогла вернуться лишь после Победы, в 1945 году...

...Живой, настоящий кот настороженными глазами провожает меня, идущего по тропинке в сторону автостанции. Встретившись с моим взглядом, кот-ра демонстративно отворачивается и

широко зевает. Раскрытая пасть зверя напоминает судорожную улыбку, но это лишь кажется. Скорее всего, котяра просто гримасничает, уверенный, что и на сей раз проделки сойдут ему с рук, а точнее — с лап.

Трепещите, мыши в чулане! Золотой кот собирается на ночную охоту. У него появился достойный соперник — колючий еж, который поселился под зава-
линой и громко топчет ножками под
полом, распугивая осторожных мышей.
Иногда в сумерках ежик выбегает на
прогулку и уже научился лакать молоко
из бабкиного блюда. А в руки пока не
идет...

Жизнь во дворе продолжается. Иногда, когда я начинаю думать обо всем этом, она — жизнь-копейка, представляется мне то колючим лесным ежом, что не дается запросто в руки, то своенравным рыжим котом, которого люблю погладить по мягкой шерстке, — но в каждую секунду можно ожидать неблагодарных острых когтей, готовых впиться в неосторожно доверчивую руку.

Но даже самый коварный, дерзкий кот не в состоянии устоять перед обаянием старушки с добрыми, цвета небес поздней осени глазами — такой была моя незабвенная бабушка Анастасия Борисовна.

Царство ей небесное и вечная память ее золотому коту, затосковавшему после смерти хозяйки, и угодившему с обретением вольной волюшки под колеса шального грузовика.

Он был просто котом, одиноким и
беспризорным.

И не умел, как все нормальные коты,
улыбаться.

АМИНЬ.

**Рассказ написан на основе реальных событий.*

Сад яе душы

Трымаю ў руках дэбютны вершаваны зборнік Алёны Папко, які сёлета пабачыў свет у выдавецтве «Альтэрнатыва», з цёплай і дакладнай назвай «Мой сад».

Расчыніць браму ў сад сваёй душы, паказаць, наколькі простыя падзеі могуць быць шматзначнымі, а душэўнае надвор'е зменлівым, сапраўды цяжка, бо паэт безабаронны перад навакольным светам сасваім уменнем дзяліцца пачуццямі. А яны такія крохкія, трапяткія... Алёне Папко ўдалося не толькі раскрыцца, раскрыліцца, але і аб'яднаць у творчым палёце тых, хто побач, — найперш вучняў, калег, родных. Зборнік аздаблены іх графікай, і кожны малюнак — чароўнае рэха, якое жыва адгукаецца на пэтычную прыгажосць, дае магчымасць адчуць глыбіню пачуццяў, думак.

Натхняльнікам для выдання кнігі, рэдактарам і аўтарам прадмовы выступіў настаўнік беларускай мовы і літаратуры СШ №1 г.Бярозы, аўтар і сааўтар шматлікіх вучэбных дапаможнікаў па беларускім літаратурным чытанні і літаратуры Мікола Жуковіч. На яго думку, лірычная гераіня аўтаркі «паўстае рэалісткай і адначасова філосафам, дарадчыкам і дзесьці разгубленай ахвярай абставін, дачкой і няшчаснай закаханай». Але мне здаецца, што дзявоцага аптымізму, жадання перафарбаваць абставіны ў светлыя колеры ў вершах значна больш. Што і робіць паэзію Алёны Папко такой прыцягальнай, празрыста-акрыленай.

У першы раздзел кнігі «З птушынага бачыць палёту Край, што мне дарагі» увайшлі вершы, прысвечаныя радзіме, родным людзям. Гэта надзвычай яркая

вандроўка, дзе кожны ўздых — падзея, дзе кожны крок — любоў:

Цвіце зямля рамонкамі і мятай,
Маліннік заплятаецца ў жыццё.
Мне не парушыць казачнага свята,
Не наталіцца сонечнасцю дзён.

Паэтэса збірае ўсё добрае, як дзівосныя кветкі ў садзе, і з хваляваннем захоўвае чароўныя ружы-ўспаміны, выпраменьваючы сваё шчасце, якое не заўсёды лёгкае:

А як успомніцца,
Дык да ўсмешкі, да слёз!
Ведаеш, мама, а ўнас з табой
Кветкавы лёс.
Як жа іначай! —
Вясна ўзняме крылы свае,
Бэзам расквечаны май
За сабой пазаве.

Асобна вылучаны вершы, прысвечаныя роднай мове, якую паэтэса называе сонечнай. І з гэтай прамяністай пяшчотай вядзе свайго чытача ад старажытнасці да свайго сэрца, да прыгожай рэчаіснасці, дзе ўсё гарманічна — і мілагучная мова, і «звонкая лясная цішыня», у якой губляецца дрэннае, ненадзейнае:

Я іх прымаю ў спадчыну сваю:
Зямлю — з ёй сэрцу цёпла на марозе!
І мову — быццам з вамі гавару —
І чую крокі вашы на дарозе...

У трэцім раздзеле «Давайце з Вамі гутарыць пра вечнае...» размовы аб вечнымзвычайна пачынаюцца з вясны. Яна прысутнічае ва ўсім — у з'явах прыроды, настроі, жаданні застацца ў памяці блізкіх вясёлай,шчаслівай.І калі ёсць сум — ён сыходзіць з першым цяплом, а горкая ўсмешка мяняецца на ўпэўненую надзею. Дзень за днём прыходзіць адчуванне, што наперадзе столькі неходжаных сцежак, што трывогі абавязкова сыдуць, як талая вада:

Усё будзе добра.
Прага адзінага:
Добрага.
Звонкага.
Роднага.
Шчырага.

Апошні раздзел «Я застануся ў памяці твай» пераносіць нас у алею Каханя. Тут змешчаны і верш «Мой сад». Сад лірычнай гераіні прамок ад дажджу, альбо ад сумных слоў развітання, кветкі

быццам згасаюць ад тугі, а спелыя ягады маліны балюча нагадваюць салодкасць летніх дзянякоў. Але ў вершах столькі жыватворнай сілы, столькі прыкмет любові, незабыўных вобразаў, што здаецца, лірычная гераіняперамагае саму сабе. Хаця зрабіць гэта ёй вельмі цяжка, бо яна ў сваім жыцці не ігрок, а хутчэй за ўсё міласэрны філосаф, здольны адрастання толькі ўзбагаціцца:

Шчаслівая тады —
без жалю ў сэрцы —
Зраблю наперад горды крок. Глядзі!
І стане мне надзейным братам сонца,
Сястрою — берсянка ў вышыні.

Жывыя токі паэзіі Алёны Папко абавязкова абудзяць у чытача самых лепшых пачуцці, падораць асалоду ад сутыкнення з таямнічым светам любові да жыцця, да роднага куточка, роднай мовы, блізкіх і дарагіх людзей.

Тацяна ДЗЕМІДОВІЧ

Представляем нового автора

Алёна ПАПКО

Алёна Мікалаеўна Папко нарадзілася 24 лютага 1990 года ў вёсцы Сакалова Бярозаўскага раёна. Вучылася ў Агародніцаўскай сярэдняй школе. Скончыла факультэт замежных моў Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна (2012).

Сябра Саюза пісьменнікаў Беларусі з 2015 года.

Друкавалася ў часопісах «Малодосць», «Полымя», «Нёман» (усе — Мінск), «Наш современник» (Масква), газетах «Літаратура і Мастацтва», «Звязда» (Мінск), «Заря», «Маяк».

Лаўрэат рэспубліканскага літаратурнага конкурсу імя Максіма Багдановіча (дыплом III ступені, 2014), абласнога літконкурсу для дзяцей і юнацтва, прысвечанага 70-годдзю вызвалення Брэсцкіх ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў (дыплом II ступені, 2014 год). Пераможца конкурсаў маладых літаратараў Саюзнай дзяржавы «Мост сяброўства» (2014–2015, 2016–2017, 2018–2019), творчага спабор-

ніцтва «Родны дом» (2016), III Міжнароднага моладзевага фестывалю-конкурсу паэзіі і паэтычных перакладаў «Берега дружбы» (с. Пакроўскае, РФ, 2018 г.)

Аўтар паэтычнага зборніка «Мой сад» (2021 г.)

Сад

Ёсць сад пад назваю жыццё,
Ў які прыходзіммы аднойчы.
Стагоддзяў колькі б ні прайшло,
У той жа сад не трапіць двойчы.

Таемны сад — сустрэч, дарог,
Калі ў нагах на радасць стома,
А шоўкавы звiніць мурог,
Стракозаў песнямі вясёла.

Шчымлівы сад — завей, снягоў,
Дзе вельмі лёгка апячыся.
Таму ты да пляча сяброў
Заўсёды ў смутку прытуліся!

Шчаслівы сад — вясны, і мрой,
І самай трапяткой надзеі...
Каханне ў ім — на рану соль,
Яно ж — бялюткія лілеі!

Іван-чай

Аблокі плывуць над гаем,
Ранкі вабяць Іван-чаем.
Паедзем, цётка, збіраць
Мяцёлкі пышныя праз гаць!
Лісцё шарготкае сарвём,
І высушым, і ператром,
Каб у сумётную пару
Тым зборам вылучыць тугу,
І ў час дакучлівых хвароб,
Зрабіўшы спробавы глыток,
Адчуць, як колецца ў грудзях
Лёт мрояў на сямі вятрах.
І адраджаюцца наноў
Надзея, вера і любоў.

...Паедзем, цётка, збіраць
Мяцёлкі пышныя праз гаць!

Колькі надзей душы ні гаі,
Нам не пазбегнуць сняжыстай зімы.
Снегу скрыпучага гурбы наўкол,
Слоты няўтульнасць і звон ледзяшоў.

Нам не пазбегнуць абдымкаў завей,
Час — дужа хуткае кола падзей.
Як матылёчкі, сняжынкi ляцяць,
Твары халодзяць, на вейках дрыжаць.
Лёгка,

нячутна,
сціпла ў далоні ляцяць.

Жменю зямлі б — ды да сэрца свайго,
Каб, што баліць, навякі адлягло!..
Толькі навокал да ранней вясны
Спешна скавалі абшар маразы.

Колькі б нягод ні судзіў небакрай,
Мы адшукаем свой сонечны май.
Квеценю белай сады зашумяць,
Будуць пялёсткі, як снег абсыпаць,
Будуць дарогі

да ўсякіх нягод
замятаць.

Маёвы дождж

Каб дождж маёвы сыпануў –
І аграном не трэба! –
Год ураджайны б не мінуў,
І з лішкам было б хлеба.

Каб цёплы дожджык без грамоў –
Краплісты і ласкавы –
Прыбіўся б пыл крутых шляхоў,
Лягчэй бы дыхаць стала.

Каб дождж маёвы басанож
Прабег наўкол раздольна,
Яго ў вясковай старане
Сустрэлі б хлебасольна!

І да вячэрняе пары
З бадзёрасцю, гуліва –
Па лужах — боты дзетвары
Насіліся б шчасліва!

Час на ўзыходзе — прадвесне,
Сонца паспешлівы крок,
А ў мімалётнае песні
Кнігаўкі чуць галасок.

Путы зрываючы смела
Прымаразкаў і вятроў,
Вітае прастора ўзмужнела
Ўсмешкамі дзьмухаўцоў.

Вось яно, блізкае шчасце,
У кожным расістым глытку!
Дзе што ні кропля — прычасце
Словам у хуткім радку.

Трымаючы досвіткам белым
Працягнуты лёсам карэч,
Будуць услаўлены ў сэрцы
Кнігаўка і дзьмухавец!

Бяруцца пад ноч маразы,
А глеба ўжо пахне вясною.
— Тата, ты мне прывязі
Бярозавіку з сабою!

Зраблю невялічкі глыток —
Адчую душы абуджэнне.
Дасць сілы той лекавы сок
І шчодро адорыць натхненнем.

І болей не будзе пячы
Яршыстай завеяю студзень.
На сакавіцкім плячы —
Цяпло нам і ў ветраны будзень.

Ідучы сцяжынай жыцця,
У родным знаходжу спатолу:
— Тата, прашу, прывязі
Бярозавіку з сабою!

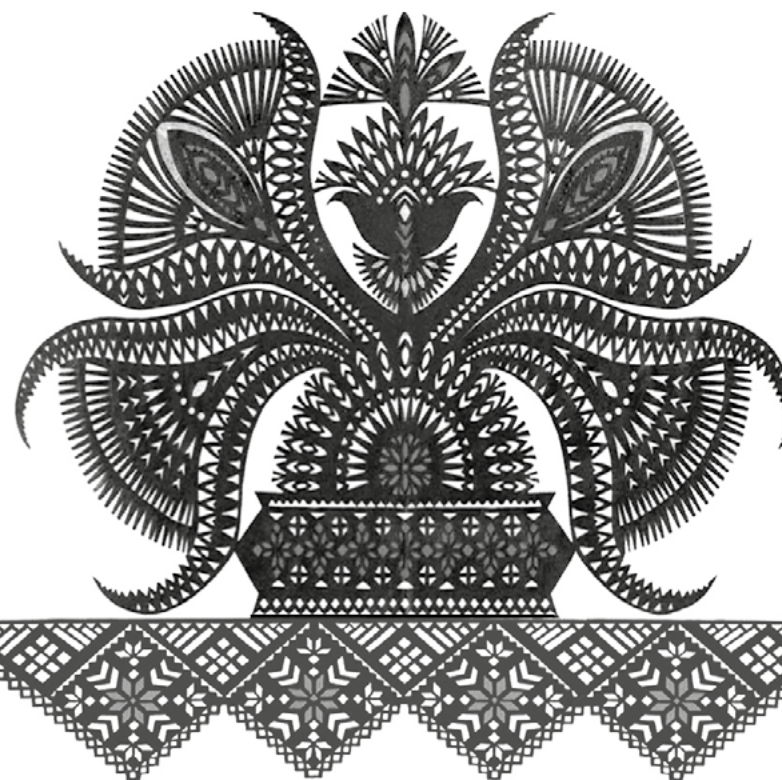
Тваім гаючым родным словам
І векавым святлом дуброў
Не наталюся я ніколі,
Зямля пад крыламі буслоў!

Любоў к табе і ў час трывожны
Тугім калоссем прарасце,
І на памежку дзён мурожных
Сінь васількамі зацвіце!

А восень не прыхоўвае дажджы,
Як яблыкі, у залатыя скрынкі.
Таму цяпла імгненні беражы,
Як лета бабінага павуцінкі.

Ляцяць яны — і светла на душы
Да першае завеі сарамяжнай.
...Трываласць вінаграднай мне б лазы
І лёгкасць павуцінкі той адважнай.

КЊІЖНАЯ ЗАЛА

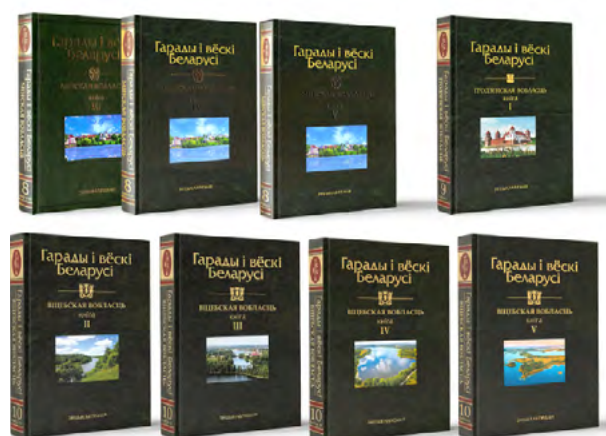
Сакрэты малой радзімы. Энцыклапедычнае выданне «Гарады і вёскі Беларусі»

У 20-томніку змяшчаецца інфармацыя больш чым пра 20 тысяч паселішчаў! У навуковым выданні можна знайсці звесткі пра малыя і вялікія гарады, пасёлкі гарадскога тыпу, вёскі і хутары. Інфармацыю пра іх вучоныя шукалі ў экспедыцыях, камандзіроўках, архівах.

У 20-томніку змяшчаецца інфармацыя больш чым пра 20 тысяч паселішчаў! У навуковым выданні можна знайсці звесткі пра малыя і вялікія гарады, пасёлкі гарадскога тыпу, вёскі і хутары. Інфармацыю пра іх вучоныя шукалі ў экспедыцыях, камандзіроўках, архівах.

Гэты ўнёсак у захаванне і папулярызацыю гісторыка-культурнай спадчыны ацэнены на самым высокім узроўні: калектыў Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук адзначаны прэміяй «За духоўнае адраджэнне».

— Работа над 20-томным выданнем «Гарады і вёскі Беларусі» вялася каля 40 гадоў, — заўважае дырэктар Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Аляксандр Лакотка. — Інфармацыя падаецца ў энцыклапедыі па абласцях, раёнах, сельскіх саветах. Карацей, структура, якой зручна карыстацца як жыхарам і кіраўнікам пэўных населеных пунктаў, так і турыстам. У кнігах пададзена больш за 24 тысячы даведкаў па хутарах, вёсках, мястэчках, ма-

лых і вялікіх гарадах. Прыводзіцца інфармацыя па гісторыі паселішчаў, па іх ландшафтна-тэрытарыяльных рысах, а таксама па дарогах, якія вядуць туды і адтуль. Тут можна знайсці звесткі пра знакамітых людзей: Герояў Савецкага Саюза і Сацыялістычнай Працы, мастакоў, вучоных, артыстаў, пісьменнікаў. Увогуле, тых мясцовых людзей, якімі ганарыцца родная вёска ці родны край. У шматтомніку прыводзіцца інфармацыя пра мастацкія асаблівасці рэгіёна, традыцыйныя рамёствы

і промыслы, помнікі архітэктуры, сядзібна-паркавага мастацтва. Апісаны ўвесь культурны комплекс, які складаецца з прыродных і рукотворных стварэнняў. У даведках інфармацыя падаецца храналагічна.

— Ці можна сказаць, што культура — выдатны падмурак для патрыятычнага выхавання?

— Так было са старажытных часоў. Напрыклад, у ранніх славян курганы продкаў нагадвалі нашчадкам пра спадчыннасць. Помнікі юрыдычна замацоўвалі права жыцця на гэтай зямлі. Гэта карані патрыятызму. Сёння спадчына — і вясковая, і гарадская, і сямейна-бытавая — таксама з'яўляецца крыніцай патрыятызму. Пачуццё гонару грунтуецца перш на перш на сямейнай спадчыннасці. Раней заходзіш у хату — і бачыш, што ўся сценка завешана фотаздымкамі бацькоў, дзядоў, прадзедаў, унукаў. Такія сувязі не выкараніш. На святы сваякі вяртаюцца ў бацькоўскі край. Прыязджаюць сыны, дачкі, унукі — гэта цэлая піраміда, якая замацаваная за пэўным месцам.

— У зборніку ёсць інфармацыя пра вёскі, якія ўжо не існуюць. Ці будзе яна карыснай для людзей, якія цікавяцца сваімі каранямі?

— Змены адбываюцца ўвесь час. Так ва ўсім свеце. Да сярэдзіны 60-х гадоў мінулага стагоддзя ў Беларусі налічвалася 34 тысячы сельскіх пасяленняў. Да моманту напісання 20-томніка засталася 24 тысячы. Ёсць цяжкія наступствы вайны, але і само жыццё на гэтых працэсах ўплывала. Можна ўгадаць пра савецкія праграмы неперспектыўных вёсак, узбуйненне вясковых пасяленняў. Ствараліся калгасамільённікі. Але сёння мы выйшлі на

ўзровень сучаснага развіцця сяла, і працэс разбурэння спыніўся. Сяло стала камфортным, і арганічна эканамічна і сацыяльна ўпісалася ў адзіную інфраструктуру рассялення. Знік перакос у бок горада.

— Ці можна сказаць, што шматтомнік «Гарады і вёскі» — тая крыніца, якая падштурхне да пошуку новых сімвалаў, у тым ліку мясцовых, якія звязаныя з пэўнымі раёнамі, вёскамі?

— І сёння, і ў будучыні сімвалы будуць абапірацца на мясцовую ўнікальнасць. Яны могуць быць самымі нечаканымі. Напрыклад, ёсць маса вёсак, у якіх маюцца месцы, што лічацца святымі. Там можа быць камень незвычайнай формы, пра які распавядаюць пэўную легенду. Ёсць сімвалы, якімі ганарыцца, ушаноўваюць, звязаныя як з гераічнымі, так і трагічнымі старонкамі гісторыі. Ёсць сімвалы, пераважна ў Заходняй Беларусі, звязаныя з адміністрацыйна-тэрытарыяльнымі перадазламі. Ёсць сімвалы, звязаныя з гастронаміяй. Многія такія цікавінкі можна знайсці ў кнізе «Маршруты беларускага турызму». На месцах можна сабраць гісторыі і пра сцежкі, і пра старыя дрэвы, што растуць асобна. Пошук такой інфармацыі павінен быць пастаянным. Даследчык не можа адначасова паспець усюды, і добра, калі ва ўсіх людзей ёсць разуменне, што падобная інфармацыя цікавая і каштоўная. У кожным раёне ёсць тыя, хто гэта збірае — крэйзнаўцы, настаўнікі мовы і літаратуры, гісторыі, мясцовыя музеі, бібліятэкі. Трэба толькі больш пра гэта гаварыць.

Ганна ПЯТРОВА
<https://zviazda.by>

Вяртанне да традыцый

13 января ГУК «Брестская районная библиотечная сеть» было проведено путешествие во времени и пространстве «Прибужскими маршрутами», посвящённое 83-й годовщине образования Брестского района. Гости мероприятия совершили увлекательное путешествие в историю, по памятным местам, архитектурным памятникам Прибужья.

Вспомнили о людях, прославивших своим трудом Брестский район. Отметили, что наша родная земля — это уникальный уголок Европы, который отличается неповторимостью природы с её многочисленными па-

мятниками, богатейшими вековыми народными традициями.

<https://brest-railib.by/pribuzhskimi-marshrutami>

ҚАЛАҰРСТ ҚҰЛЫТҰРНАҒА ЖЫЦЦА

На сцене и за кулисами праздничного концерта

в честь Дня образования Брестского района

Народный ансамбль народных инструментов «Сябрына» — один из лучших коллективов области. Он ведет активную концертную деятельность в районе и области, в Республике и за её пределами. За годы своего существования ансамбль побывал с гастролью во Франции, Голландии, Польше. Он является постоянным участником областных Дожинок. Ансамбль «Сябрына» — Лауреат первого всебелорусского фестиваля народного искусства «Беларусь мая песня», участник телевизионной программы «Спявай душа», частый гость Брестского телевидения, Лауреат IX Международного фестиваля народной музыки «Звіняць цымбалы і гармонік». Ансамбль отличается высоким профессионализмом, преданностью выбранному делу, бережливому отношению к истокам белорусского музыкального наследия. Руководит коллективом Виктор Леонидович Демянюк.

Народный ансамбль песни «Спадчына» имеет свои только ему соответствующие особенности: высокую культуру, самобытную манеру исполнения, свой особенный репертуар. Основу репертуара составляют полесские народные песни. Ансамбль возвращает к жизни многие забытые песни, народные традиции, мелодии и наигрыши. В репертуаре народного ансамбля «Спадчына» есть и авторские песни, написанные руководителем ансамбля Владимиром Ивановичем Литвинчуком. Музыкальные произведения бережно аранжируются с максимальным сохранением аутентичного звучания.

Народный мужской вокальный ансамбль «Благовест» основан в 1985 году. В 2022 году в народном вокальном ансамбле был изменен состав. Руководителем является Олег Николаевич Чурило. Коллектив работает над повышением исполнительского мастерства, ведет работу по развитию основных певчих навыков, находится в поиске

новых форм творческого воплощения, широко использует современный музыкальный материал и поддерживает народные традиции.

Народный ансамбль «Медуницы» создан в 1993 году. В 2021 году состав ансамбля полностью обновился. Коллективом руководит Александр Павлович Жарин. Направление деятельности также изменилось. В основу репертуара входят современные русские, белорусские мелодии, а также зарубежные эстрадные песни. Основным местом выступления являются санатории, местные и районные мероприятия.

Народный вокальный ансамбль «Молодежный квартал» был переименован в 2020 году из народного мужского ансамбля «Дабрадзей». Руководителем Илья Сергеевич Учаев.

В связи с изменением состава участников и творческого направления деятельности была изменена исполнительская форма. Большое внимание

коллектива уделяется многоголосному пению и пению а-сапелла. В настоящее время ведется активная работа по обновлению репертуара коллектива, манеры и стиля исполнения.

Репертуар **Народной вокальной студии «Феличита»** состоит из белорусских, русских мелодий. Участники студии — люди разных профессий, всех их объединяет любовь к песне. В репертуаре коллектива народные, обрядовые песни, песни белорусских композиторов, итальянские хиты, а также ретро-шлягер, которому уделяется большое внимание. Совсем по-новому звучат ретро-хиты в современной аранжировке. Практически все участники поют сольные номера. Сегодня это ведущий коллектив среди коллективов художественной самодеятельности сельских учреждений культуры не только по качеству исполнительского мастерства, но и самый мобильный по количеству выступлений. Руководитель — Сергей Валерьянович Иванюк.

Народный ансамбль песни «Черничанка» работает в народной манере. В репертуаре белорусские, русские, украинские народные песни, произведения белорусских, русских исполнителей. В состав коллектива, которым руководит Анна Владимировна Вербицкая, входят люди разных профессий. Не одно районное мероприятие не обходится без участия коллектива. За годы деятельности ансамбль приобрел свои, только ему присущие особенности. Возможно, поэтому произведения в их исполнении воспринимаются с интересом и восхищением.

Народный инструментальный ансамбль «Каприччио» создан в 2001 году на базе ГУО «Чернавчицкая ДШИ». Ансамбль работает в эстрадной манере игры. В репертуаре коллектива эстрадные, белорусские и джазовые композиции. В коллективе над каждым музыкальным произведением ведется кропотливая работа, идут интенсивные творческие поиски своей манеры исполнения, раскрытия музыкальных способностей и возможностей каждого участника коллектива, что очень важно при коллективном музицировании. Руководитель коллектива Андрей Анатольевич Безека.

Народный инструментальный ансамбль «Настроение» создан в 1987 году. Ансамбль имеет разнообразный репертуар, который включает произведения композиторов русской, советской и зарубежной классики, а также народные и современные эстрадные мелодии. Это разные по характеру и сложности произведения, которые соответствуют техническим возможностям и исполняются на высоком художественном уровне. Руководитель коллектива Евгений Анатольевич Прокопюк.

Елена ПОДДУБНАЯ

Колядки расширяют круг

Открытый региональный детский конкурс «Прыбужскія Каляды — 2023» прошёл в районном Доме культуры в Чернях.

Множество творческих коллективов из всех музыкальных школ Прибужья, а также семи районов Брестчины собрались в концертном зале, чтобы выявить, кто из них лучший из лучших. К слову, конкурс проводится при поддержке Белорусского фонда мира и РОО «Белая Русь».

В нынешнем году районный праздник посвящен трем направлениям: изобразительное, хоровое и хореографическое искусство. В предложенных номинациях приняло участие более 400 учащихся. Возраст конкурсантов был не ограничен: от первоклашек до выпускников. Надо отметить, что свое

мастерство ребята демонстрировали на высоком уровне. Они очень старались, пели, танцевали выразительно и эмоционально.

И, конечно, самым приятным на празднике стало награждение победителей. Вручая дипломы и грамоты, заместитель председателя Брестского райисполкома Павел Волюнец желал мальчишкам и девчонкам новых открытий в мире музыки и хореографии, со своей стороны пообещав всяческую поддержку юным дарованиям.

Все участники получили свои награды. Не обошлось и без сладких презентов.

Светлыя зорачкі па-над вёскай

Урачыстае свята Каляды прайшло ў 21 школе горада Брэста, якое ладзіў школьны батлеечны тэатр «Светлыя зорачкі».

Гаспадыня каляднага вечара сустракала гасцей словамі:

Добры вечар!

Шчодры вечар!

Добрым людзям на здароўе!

Гаспадар, як той пан!

Гаспадыня, як каліна!

А дзіточкі, як кветчкі!

Добры вечар, шчодры вечар,

добрым людзям на здароўе!

На свята завітаў маленькі пастушок, які ажыў з самой батлеечнай казкі "Падарунак пастушкі", якая так сама была прадстаўлена глядачам. Гэта цудоўная гісторыя аб маленькай дзяўчынке, якая пасвіла авечак.

Калі нарадзіўся Хрыстос, сам Анёл прыйшоў да яе і зняў з нябёсаў зорачку, каб малая не сумавала, бо ёй няма чаго было падарыць Хрысту.

У маленькай пастушкі была і свая калядка:

Я маленькі пастушок

Загарнуўся ў кajuшок

На скрыпачце граю

Ва усіх вітаю.

А вы людзі чуйце,

каляду гатуйце!

На свята да мясцовых жыхароў і дзяцей завітаў гурт «Вытыкачкі» і «Вока чарота».

Яны прапанавалі цудоўныя танцы пад калёсную ліру.

А вось сапраўдным чудам ад творчых калектываў была калядная зорка, якую раней рабілі на Палессі. Гэта це-

нявы тэатр у сярэдзіне самой зоркі. Чаго толькі там не было...! Мядзведзік і ліска неслі зорку, Валхвы дары. Іосіф і Дзева Марыя з Хрыстом у яслях. Цуд да і толькі!

А як жа свята без казы...

Каза памірае, з ёй памірае ўсё дрэннае, што было у прошлым годзе. Каза ажывае, каб Новы год быў добрым, а ў сям'і ўсе здаровыя ды багатыя.

Каб казу абараніць, на коніку праскакаў сам Каляда.

Пасля калядак пачыналіся гульні. Адною з такіх гульняў была «Арэхі» (Цот ці лішка?)

Адзін з гульцоў браў жменю арэхаў і пытаўся ў другога, цотная ці няцотная колькасць арэхаў. Калі называўся правільны лік, дык той, хто адгадваў яго, атрымліваў гэтыя арэхі, калі не, то павінен быў вярнуць столькі арэхаў, колькі было ў руцэ.

На Стары Новы год 14 лютага дзеці пелі засеўкі

Ходзя Каляда па хатах

Носіць кучу жыццаную.

Дзе змахне — жыта расце.

Дзе не махне — там не бывае.

Сею, сею, пасяваю.

З Новым годам Вас вітаю!

У свой чарод удзячныя жыхары былых вёсак Гершоны і Мыткі шчыра адарвалі дзяцей пачастункамі.

Вольга САНДРЫКАВА

СТАРОНКІ ГІСТОРЫІ

Слово о музее деревни Черни

Прежде чем начать разговор о музее села, экспозиции которого расположены в Чернинской СШ, надо вернуться в недалёкое прошлое и начать с воспоминаний о том времени, когда директором Чернинской средней школы работала Валентина Егоровна Московская. До выхода на пенсию ей долгое время пришлось управлять школьными делами. Именно она стояла у истоков организации музея села.

Сначала в уголке школьного коридора был создан «Куточек старадаўняга быту Чэрняў». Там стоял деревянный муляж чернинской довоенной хатки, покрытый соломенной крышей. Кроме этого было несколько самотканых ручников, передников, свиток и женских сарафанов. Размещалась там и деревян-

ная утварь, кузова из соломы, коловорот и прочие детали старинного быта. Всё было бы хорошо, но пришли пожарники и запретили нахождение этого уголка в помещении школьного здания:

— Это пожароопасно! — был их разговор, и тут же директору школы были выписаны штрафные санкции.

Что ж, пришлось Валентине Егоровне обратиться в Чернинский сельсовет к председателю Петру Петрович Конашук. Они совместно подумали и решили, что для музея Черней будет выделено помещение бывшей сельской сберкассы. Хотя было предложение «сверху» сделать здесь музей районного значения.

— Нет! — воспротивился председатель. — Это наше село! И это будет наш местный музей!

Решили и перенесли все экспонаты со школы в просторное сберкасовское помещение. Заведующей была назначена учительница истории Л.И. Удодова.

Узнав об организации музея, народ со всей округи стал сносить туда всё, что находил в старинных сундуках и коморках. Пополнилась коллекция утюгов, появилась лозовая колыбелька и прочая домашняя утварь. Люди активно стали приносить фотографии, на которых был запечатлён довоенный вид одежды и бытовавшая тогда мода.

Примером может быть семейный портрет Ботухов. Из этой легендарной семьи вышли патриоты нашего края:

Ботух (Ворон) Марк Емельянович — подпольщик КПЗБ. — Секретарём подпольной организации Савоневским было поручено Марку Ботуху уничтожение войта чернинской гмины. Парню был выдан пистолет... Выполнив задание, Марк Емельянович ушёл в большевитскую Россию...

Ботух Архип Емельянович перед самой войной был взят Советами на военные сборы в Брестскую крепость, откуда он в семью больше не вернулся...

Ботух Ксения Емельяновна со своим мужем Карпуком Данилой всю войну кормили и обогревали партизан со Старосельского отряда, который потом был переименован в отряд имени «Чернака».

Глава семьи Ботух Емельян Андреевич, погиб от осколка первого фашистского снаряда, упавшего на рассвете 22 июня 1941 года на Черни. Емельян Андреевич был участником турецкой и японской кампаний, воевал на германском фронте в Первую мировую войну, выжил в германском плену, а смерть принял у себя на пороге...

Хозяйка семьи Ботух Аниса Яковлевна укрывала в своей хате от фашистов первую советскую учительницу Дарью Андреевну Суворову. Двоюродный пле-

мянник Аниси, Алексей Васильевич Антонюк, — знаменитый Алёшка-партизан, воевал в отряде имени Чернака. Подрывная группа, в состав которой входил молодой партизан, совершила около двадцати удачных дивесий на железной дороге. В результате чего фашистские войска не получили военное подкрепление, шедшее им из Германии.

Исторической достопримечательностью Черней является Штеровская липовая аллея, остатки которой ещё кое-как живут за селом. Именно в том месте было здание самого имения Алексея Петровича Штера, который был статским советником при царской власти.

В его бытность в Чернях имелось два кустарных кирпичных завода, кирпич с которых шёл на строительство города и Брестской крепости. Молодые сельские мужчины работали на этих промыслах. Штер им за труд платил золотыми червонцами. Алексей Петрович — это история Черней! Как достойный владелец округи, после смерти он был захоронен на территории Чернинской церкви.

В последнем разрушительном пожаре села, когда сгорели не только соло-

менные хатки, но и сама церковь, Штер пожертвовал свой кирпич на новую ограду храма.

Его могила была восстановлена в 2021 году. Главным инициатором этого дела была Валентина Фёдоровна Карпеш. Помогала ей во всём Ольга Антоновна Давидюк. Как говорится, на ноги были подняты все чернинские интеллигенты, которые хорошо знали историю родного села от своих родителей и дедов. Именно на их пожертвования, которые собирал Фёдор Фёдорович Печко, и был поставлен новый памятник Штеру.

Таким образом святое дело свершилось! Могила восстала из мертвых...

В музей села была сдана старинная фотография церковного хора довоенной поры. В то время в хоре принимала участие вся молодёжь чернинского прихода. На фото запечатлено 19 человек. Апостола на литургиях читал Акулов — бывший офицер царской армии. Этот человек обладал сильным голосом. По воспоминаниям старожилов, «звенели стёкла в окнах, и эхо летало высоко в куполе храма...»

В годы сплошной декоммунизации церковь была закрыта, разобрана и сожжена. Новая святыня, как птица Феникс, восстала из пепла в перестроенные годы, и вновь звенит своими колоколами.

При царе в Чернях существовала церковноприходская школа для крестьянских детей. В основном в неё ходили мальчики, как будущие рекруты. Девочек брали по-желанию. Изначальное её здание находилось вблизи церкви, а после грандиозного пожара, когда сгорело село и церковь, огонь не обошёл и школу. С той поры обучение детей стало вестись в поповой и дяковой хатах.

В 1936 году при Польше, в правление Пилсудского, была построена в Чернях семилетняя школа. Образование в

ней крестьянские дети получали только на польском языке.

В немецкую оккупацию школа начала действовать, но на украинском языке. А в 1942 году партизаны сожгли её. После войны возобновилась русская школа, в ней начали изучать и белорусский язык. Школьного здания не было, поэтому по старинке обучение школьников стало вестись в поповой и дяковой хатах. Отстроена по-новому школа была уже при колхозе. Это было небольшое здание, и была она семилеткой. Работало в ней и вечернее отделение для работающей молодёжи.

Тогда все тянулись к знаниям и книгам, понимая, что образование — это свет, а неоразованность — это тьма... Учились при керосиновых лампах, писали разливными чернилами и перьевыми ручками.

В бытность директора И.В. Балиевча было достроено кирпичное левое крыло, и с той поры школа стала восьмилетней. А спустя время в 1965 году, директором тогда был уже Валентин Серафимович Стрелков, школу перестроили и расширили. С высоты птичьего полёта она имела вид буквы «П».

В. С. Стрелков как бывший фронтовик был всегда одет по-военному, в солдатское галифе, сапоги и гимнастёрку.

Когда он шёл по коридору уверенной походкой, ученики его приветствовали, стоя и замирая на ходу.

Точно так же выглядели учитель математики Иван Герасимович Иванов и Василий Васильевич Свирский. Их можно назвать неумирающими легендами Чернинской восьмилетней школы. К их кагорте относятся Надежда Николаевна Костыко — учительница немецкого языка, Мария Емельяновна Печко — учительница начальных классов, награждённая медалью «к 100 летию Ленина», физрук — Вячеслав Львович Волосевич, а также Екатерина Семёновна Коваль, Валентина Ивановна Ульяницкая и другие...

Перед школой сразу после освобождения Черней была организована братская могила солдат, погибших за освобождение нашего села и округа от фашистских оккупантов. Каждый год в День Победы у стеллы памятника происходит митинг с возложением цветов и венков и солдатским салютом.

В настоящее время учитель истории Л.И. Удодова по-прежнему заведует музеем села, где ею проводятся экскурсии для школьников и всех желающих. Именно в музее подрастающее поколение воспитывается патриотизму и любви к родной Белоруссии.

Экспозиция музейных материалов постоянно обновляется и пополняется. Среди всех экспонатов есть стенд с фотографиями участников и инвалидов Великой Отечественной войны. Это Фёдор Климентьевич Печко, Николай Маркович Оксенюк, Сергей Васильевич Гуттик.

Имеется список солдат, погибших на поле брани. В основном они все полегли в боях за освобождение Польши. Вот некоторые имена.

Архип Емельянович Ботух, Алексей Климентьевич Печко, Николай Ничипо-

рович Германович, Михаил Фёдорович Калишук, Пётр Степанович Кротюк, Сергей Иванович Токун, Александр Иванович Токун.

Андрей Сидорович Поleshук — подпольщик КПЗБ был арестован эсэсовцами и замучен в гестапо.

Во втором отделении музея Удодова разместила стенд, посвящённый ученику ЧСШ — Михаилу Карпешу — спортсмену-альпинисту, организовавшему ночной марафон по спортивному ориентированию «Палесская сова». Пять лет Карпеш проводил его за свой счёт, и только после его гибели 8 марта 2010 года под лавиной на Кольском полуострове, марафон был назван в честь имени создателя «Рогейном памяти Михаила Карпеша». В настоящее время это спортивное ориентирование ежегодно проводится на «Дедах» в лесном массиве недалеко от Белого озера.

Из учителей Чернинской восьмилетней школы в музее имеется фото-портрет только Марии Емельяновны Печко. А хотелось бы, чтобы там был отдельный стенд, посвящённый старой восьмилетке с фотографиями всех её учителей. Ведь школа воспитала и выпустила в широкую жизнь множество учеников, ставших в дальнейшей жизни известными личностями. Это, к примеру, Иван Григорьевич Малыха, возглавлявший ФСБ России, офицеры советской армии; Серафим Алексеевич Козловский и Иван Герасимович Кармазюк; Дмитрий Калишук — профессор химических наук Минского политехнического университета.

Кроме этих выпускников в биографии школы и села имеется множество славных имен, знать о которых очень важно всем нам — наследникам.

Тина ХУТОРЯНКА
Черни Брестского р-на.

Вяртанне да традыцый

Напрыканцы калядных Святак у школу вёскі Вялікія Радванічы Брэсцкага раёна пісьменнікі Брэстчыны прывезлі кнігі, цуды і добры настрой!

Сярод падарункаў — вершы, казкі, апавяданні Ірыны Морых, Вячаслава Бельцюкова, Таццяны Дземідовіч. Дзеці з цікавасцю слухалі, як нараджаюцца сюжэты, адкуль «прыходзяць» героі ды на якія тэму пішуць сучасныя аўтары.

А ў гэты момант ішла апошняя падрыхтоўка да чароўнага дзейства, дзе кожны глядач — герой незабыўнай гісторыі. Добрая фея, гаспадыня батлейкі Вольга Сандрыкава запаліла святочныя агеньчыкі і свечы, разгарнула кнігу «Берасцейская скарбніца», дзе «пасялілася» яе незвычайная гісторыя «Аднойчы на Каляды», і адразу «прачнуліся» казачныя героі, з'явіліся ўсмешкі на дзіцячых тварах. У кожнага вучня была магчымасць паспрабаваць сабе ў ролі артыста ажно ў двух тэатралізаваных пастаноўках, патрымаць у руках казачных персанажаў. А яшчэ былі вялікі карагод і калядкі,

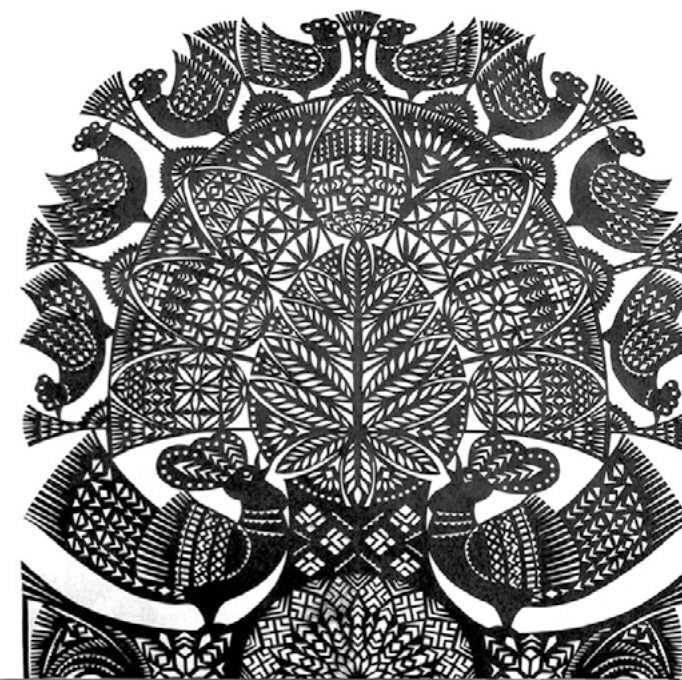
якія спявалі ўсе разам. Дарэчы, у аснове твораў Вольгі Сандрыкавай — калядкі Брэсцкага раёна са знаёмымі дыялектнымі асаблівасцямі! Дзеці з задавальненнем папоўнілі казку сваім веданнем фальклору.

«Вясковыя дзеці вельмі добра ведаюць свае традыцыі, выходзяюцца ў пашане да продкаў, — падкрэсліла дырэктар Радваніцкага сельскага Дома культуры Алена Давыдава. — Для гэтага мы прыкладаем усе намаганні: стварылі сваю батлейку, музейных куток народных промыслаў, ладзім спектаклі».

Сапраўды цікавая вандроўка ад сучасных кніг да песеных набыткаў нашых бабуль і дзядуль паказала, як важна звяртацца да сваіх вытокаў, захаваць непаўторнасць і самабытнасць роднай культуры.

Брэсцкае абласное аддзяленне Саюза пісьменнікаў Беларусі

БЕЛАРУСЬ ПАМ'ЯТАЕ

Абеліскі параненай зямлі. Не зарасце лясная сцяжына

Колькасць помнікаў і памятных месцаў Брэстчыны амаль тысяча дзвесце. У тым ліку — 407 брацкіх магіл, 22 вайсковыя пахаванні, 14 мемарыяльных комплексаў, 73 абеліскі, 343 помнікі, 11 стэл. Практычна кожны населены пункт мае сумную, а то і трагічную старонку гісторыі перыяду ваеннага ліхалецця. Няма ла помнікаў усталявана ў лясх, часам, вельмі далёка ад цэнтральных дарог — у нас кожны метр зямлі, лічы, гісторыя.

Пад нахіленымі крыжамі

Работнікі Нікарскага лясніцтва Нацыянальнага парку «Белавежская пушча» даглядаюць унікальны помнік ахвярам фашызму ў Пружанскім раёне. «Крыжы, якія падаюць» — так ён называецца. Больш за сорак гадоў

таму ўзвялі гэтую кампазіцыю па праекце польскіх архітэктараў. Першы раз мне давалося ўбачыць гэты помнік зімой. На фоне белага снегу нахіленыя крыжы глядзяцца вельмі нават незвычайна. Што цікава, з розных бакоў вялізныя бетонныя стэлы выглядаюць па-рознаму. Калі глядзець прама, яны падобныя да слупоў

і перакладзін, ступіш крок улева або ўправа — падасца, што манумент нахілены ўперад, а глянеш на яго збоку — узнікае аптычны эфект, што крыжы вось-вось упадуць на зямлю.

Тут расстралялі больш за сто вяскоўцаў. Равок крыху воддаль за крыжамі да гэтай пары прыкметны, тут і знайшлі спачын нявінныя людзі. Іх закатавалі ў пачатку жніўня 1941 года. Не раз адзначалася, што ў іншых месцах акупанты пачалі лютаваць пазней, калі адчулі супраціўленне насельніцтва, калі сталі нагадваць аб сабе партызаны. А тут толькі прыйшлі, пачалі забіваць мясцовых актывістаў, а разам з імі і тых, хто пад руку трапіць. Людзей зганялі ў лес некалькі дзён, а з лесу яны ўжо не вярнуліся. Жыхарка Белага Ляска Вольга Улезла расказвала аўтару гэтых радкоў, як яе сваячка трапіла пад аблаву за тое, што спявала ў вясковым клубе. Яна вельмі добры голас мела, а яшчэ малое дзіця гадала. Тая самадзейная артыстка таксама ў брацкай магіле...

Сярод забітых — найбольш жыхароў вёскі Белавежа, а таксама суседніх паселішчаў, якія пасля вайны сталі тэрыторыяй Польшчы. А брацкая магіла жыхароў суседняй вёскі Чадзель Пружанскага раёна цяпер знаходзіцца ў Польшчы. Такія вось зігзагі гісторыі...

Другога жніўня, у дзень расстрэлу, каля крыжоў на нашым баку заўсёды збіраюцца людзі. Вось і мінулым летам прайшло памятнае мерапрыемства. Богаслужэнні над брацкай магілай правялі святары праваслаўнай і каталіцкай канфесій. Гук метранома падчас хвіліны маўчання ў векавым лесе прагучаў асабліва пранізліва, было такое ўражанне, што нават птушкі замаў-

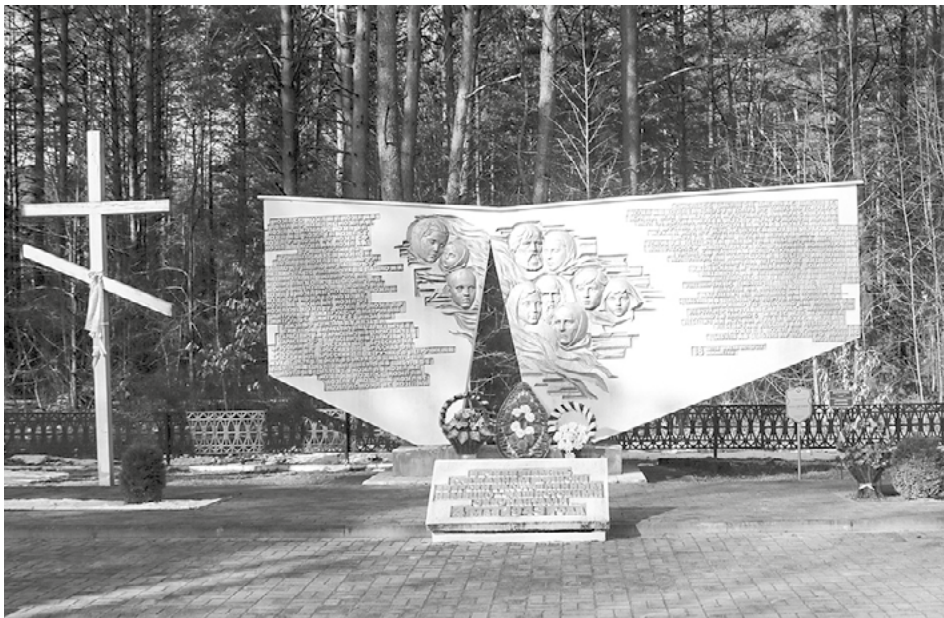
чалі... Людзі згадвалі, як у такую ж лагодную летнюю пару забівалі ні ў чым не вінаватых землякоў.

Прыязджаюць дзеці і ўнукі

Вогненная вёска Лескі

Пра тое, што ў глыбіні лесу, далёка ад шашы, ёсць вёска, чалавеку несвядомаму і здагадацца было б цяжка. Недасведчаны падарожнік спачатку можа наткнуцца на помнік, а потым ужо разгледзець вёску..

Лескі ў Камянецкім раёне — адна з вогненых вёсак Беларусі. Яе лёс у многім вызначыла месцазнаходжанне. Сама назва пра тое гаворыць. Карнікі лічылі такія паселішчы патэнцыяльна небяспечнымі, магчымымі ачагамі партызанскага руху. Таму 4 мая 1943 года ўсіх жыхароў сагналі на край сяла, на ўзлесак і расстралялі. Хаты спалілі. На помніку, узведзеным у 1980-я гады, высечаны прозвішчы бязвінных ахвяр: цэлыя сем'і па пяць, восем, дванаццаць чалавек, усе пакаленні: прабабулі, бабулі, маці, дзеці-немаўляты... Цяпер у гадавіну трагедыі тут збіраюцца вяскоўцы, прыязджаюць далёкія сваякі загінулых. У 2013—2014 гадах помнік адрамантавалі за кошт раённага бюджэту. Найперш спілавалі старыя дрэвы. Сам помнік атынкавалі і пафарбавалі. Вакол паклалі новую плітку, зрабілі дарожкі, паставілі лаўкі. Лескі пасля вайны адраділіся. Праўда, цяпер засталася жменька жыхароў. Улетку, вядома, бывае весялей, прыязджаюць нашчадкі былых жыхароў. Іх дзеці, дарэчы, прымаюць удзел у доглядзе помніка. «Кожны год паднаўляем помнік, — расказвае старшыня Рэчыцкага сельскага Савета Натал-

ля ШОСЦІК. — Ён стаіць у лесе, вільгаць з дрэў аказвае негатыўны ўплыў на фарбу і матэрыялы манумента, касметычны рамонт патрабуецца рэгулярна».

А да васьмідзясятых гадоў тут быў зусім сціплы абеліск, пастаўлены недзе ў пачатку 1960-х. Пра трагедыю землякоў аўтару гэтых радкоў некалі расказвала жыхарка вёскі Ганна Мікалаеўна Цыбуля. У брацкай магіле пахаваныя родныя яе мужа. Сам ён прыйшоў з вайны на папалішча, знайшоў толькі магілу. Потым аднаўляў хату. Дык вось яна расказвала, што ў іх вёску стаў заязджаць кіраўнік сельгаспрадпрыемства «Відамлянскае» Міхаіл Страпко, калі землі іх былога калгаса далучылі да названай гаспадаркі. Цікавіўся, як жывуць людзі, у чым маюць патрэбу.

Пазней Міхаіл Страпко расказаў, што да гэтай вёскі ў яго асабліва трапятлівае стаўленне. У далёкія 1980-я гады ён, малады аграном

знакамітага на ўвесь Саюз калгаса «Савецкая Беларусь», на службовым пікапе прывозіў хлеб людзям. Аўтакрамы сюды не хадзілі, стацыянарнай крамы таксама не было. Рабіць гэта распарадзіўся тагачасны старшыня калгаса двойчы Герой Сацыялістычнай Працы Уладзімір Бядуля. Уладзімір Лявонцьевіч у свой час натрапіў у лесе на помнік і стаў высвятляць яго гісторыю. А калі даведаўся пра гаротныя Лескі, пачаў усяляк дапамагаць яе жыхарам. Наступнікі прадоўжылі традыцыю Бядулі.

Зараз у Лесках засталіся тры пастаянныя жыхары. Але ў памятных дні прыязджаюць нашчадкі ахвяр і іх сваякоў. «Іх ніхто не арганізоўвае, яны самі прыязджаюць з вянкамі, кветкамі, прымаюць удзел у памятных мерапрыемствах, прывозяць сваіх дзяцей і ўнукаў», — расказала кіраўнік мясцовай улады.

У глыбіні Шчэбрынскага лесу

І яшчэ пра адзін, не зусім звычайны, помнік хочацца сказаць. У лесе, які называюць Шчэбрынскім, паміж вёскамі Радванічы і Франапаль давялося наткнуцца на сціплы абеліск. Было гэта даўно, гадоў дзесяць таму. Звярнула ўвагу на цэнтральную шылду, якая змяшчае вельмі абстрактны тэкст, нешта накшталт «Бясстрашным і мужным воінам і партызанам». На адваротным баку помніка прымацавана дошка, на якой напісана, што ў лістападзе 1942 года тут быў расстраляны адважны партызанскі разведчык Гаўрылюк Іван Аляксандравіч са сваёй сям'ёй.

Тагачасны сакратар Радваніцкага сельскага Савета Таццяна Кавалевіч адразу пацвердзіла здагадку: так, у 1942 годзе фашысты расстралялі Гаўрылюка Івана Аляксандравіча, яго жонку і сына, а таксама Белавежу Пятра Фёдаравіча з жонкай

і сынам. Таццяна Якаўлеўна тады параіла звярнуцца да старажыла тутэйшых мясцін Дзмітрыя Пархаца з Малых Радванічаў. І не памылілася.

Аказалася, Пархацы былі суседзямі Гаўрылюкоў. Як расказаў Дзмітрый Іванавіч, раней яго дзяды, бацькі жылі ў вёсцы Камяніца, пазнейшая назва — Падлессе Камяніцкае. Але пры Польшчы іх землі адышлі пад ваенны палігон Войска Польскага. А ўзамен улады выдзелілі адселеным людзям месца пад хутары. Вось Пархацы і пабудаваліся фактычна на ўскрайку лесу. Побач была сядзіба мясцовага ляснічага, якая адначасова з'яўлялася лясніцтвам. Там жыў з сям'ёй Іван Гаўрылюк. З яго сынам Лёнькам ды з Лёшам Белавежам Дзмітрый разам гуляў. Пры гэтым Дзмітрый Іванавіч добра памятаў, што ён быў старэйшы з хлопцаў. Лёню і Аляксею на пачатак вайны не споўнілася і дзесяці. Ляснічы Іван Аляксандравіч быў чалавекам адукаваным, у доме захоўвалася шмат кніг. І яшчэ, што ўрэзалася ў памяць Дзмітрыя Пархаца, сядзіба-леснічоўка выглядала надзвычай прыгожа. Драўляная пабудова была выраблена нейкім майстрам з вялікім густам. Нават агароджа з арэшніку ўяўляла сабой маляўнічае відовішча. Недалёка жыў і ляснік Пётр Белавежа.

Навакольныя лясы абумовілі партызанскі рух з самага пачатку вайны. У недалёкіх ад Брэста лясных масівах хаваліся ўсе, хто мог схавацца ад ворага. Спачатку партызаншчына была стыхійнай. Дзмітрый Пархац са сваім бацькам побач з уласным хлявом сустрэлі аднойчы старшыню Тэльмінскага сельсавета Івана Салейку з таварышамі. Гэтыя

людзі адразу падаліся ў лес, бо ведалі, што вораг не пашкадуе. Потым уцекачы сталі арганізоўвацца, да іх далучыліся чырвонаармейцы, якія адступалі, цярпелі паражэнне. І паступова навакольныя лясы становіліся партызанскай базай. Зразумела, што партызаны стараліся паўсюль займець сваіх людзей. Але ж ніхто не хваліўся падобнымі сувязямі. Вядома, людзі не ведалі, што да ляснічага прыходзяць з атрада па інфармацыю. Не ведалі аж да таго часу, пакуль не адбылася трагедыя...

Пра тое, што сталася з Гаўрылюкамі і Белавежамі, Дзмітрый даведаўся ад Аляксандры Данілюк, дзяўчыны, якая прыбірала ў ляснічоўцы. Яна прыбегла, як заўсёды, ранкам на працу, а там поўна немцаў са зброяй, з сабакамі. Спачатку схпілі і яе, але, распытаўшы, хто такая, адпусцілі. А іх, Гаўрылюка і Белавежу, іх жонка і сыноў — хлопчыкаў 10-11 гадоў — расстралялі.

Засталіся ўспаміны былога дырэктара Радваніцкай школы Уладзіміра Пятровіча Ласковіча. Ён сведчыў, што Івана Гаўрылюка расстралялі асобна ад сям'і. Спачатку яго па-зверску катавалі ў камендатуре, а потым, ужо мёртвага, прыцягнулі, прывязаўшы да каня, за шэсць кіламетраў з Палесса Радваніцкага. Гэты здзек з цела ўбачыла сям'я, да якой ён і далучыўся каля ўласнай хаты, каб пайсці ў вечнасць.

Ці самі карнікі вылічылі Івана Гаўрылюка, ці хто выдаў яго сувязь з партызанамі — ніхто дакладна не ведае. Вядома, што ў адзін міг загубілі дзве сям'і, у тым ліку ні ў чым не павінных жанчын і дзяцей. Недзе ў 1970-х гадах на месцы іх спаленых немцамі сядзіб паставілі сціплы знак памяці. Раней сюды вяла даволі

шырокая дарога, нават раённыя мерапрыемствы праводзілі, прымеркаваныя да памятных дат. Але з часам дарога рабілася непрыкметнай, зарастала. Праўда, помнік даглядаюць супрацоўнікі лясніцтва, не забывае і сельсавет. Не так даўно паставілі новую агароджу. Паводле слоў старшыні Радваніцкага сельскага Савета Наталлі Драневіч, гэтай вясной таксама помнік паднавілі, дагледзелі.

...Сюды, як не ведаеш дарогі, без праважатых не трапіш. Мясціна ж пасярод лесу. Як і да другога помніка, здымак якога даўно захоўваю. Зрабіла яго падчас адной з камандзіровак, а лакацыю з гадамі забылася. Але ж галоўнае, што і сярод лесу да яго не зарастае сцяжына, аднаго з тых, які ўразіў выпадковага падарожніка, гасця нашай краіны.

Праект створаны пры фінансавай падтрымцы ў адпаведнасці з Указам Прэзідэнта № 131 ад 31 сакавіка 2022 года.

Святлана ЯСКЕВІЧ
Фота айтар
Выкарастаны матэрыялы
<https://zviazda.by>

